

Анатолій Стерликов

ПОД ИГОМ ОСЕННИХ НОЧЕЙ

ТИХИЕ КАМЫШИ КОКЧУГУЗА

(Очерки нравов)

Смеркалось. Подмораживало. Оконное стекло избушки расцветилось розовыми и сине-голубыми хвощами и папоротниками. В печурке трещал тальниковый хворост, избушка наполнялась теплом и ароматами разгорающейся талы. Охотник Кочегин успел сходить к проруби, наполнил котел водой, чтобы сварить сома, вытряхнутого на лед из вентера на Гнилой протоке. И теперь он развешивал на прочной джидовой жерди кожушок, и стеганые штаны, забрызганные грязью на солончаках.

Вдруг послышались голоса. Выглянув в окошко, Кочегин увидел, что по тонкому льду к избушке идут люди. Ощущение уюта и покоя, овладевшее охотником в жилище после езды по солончакам пропало. Что хорошего, когда видишь камышатников – потрошителей ондатровых хаток и промысловых избушек. Кто же еще: семиреченскому промысловому в эти дни опасного ледостава нечего делать на озерах и протоках дельты Или. Да Кочегин издали узнал семенившего Секача, металлическим прутом проверявшего безопасность пути. Лед уже держит человека, но не везде. К тому же он прозрачен и чист, поэтому не вызывает доверия даже у бывалых камышатников. На такой лед, сквозь который видны водоросли и утонувшие листья камыша, какое-то время и собаки не осмеливаются выходить.

За Секачем, прихрамывая на покалеченную ногу, не отставая ни на шаг, следовал Шлѐп-Нога. Кочегин знал повадки этих шакалов и сообразил, что капканы они спрятали на краю озера в камышах, где берет начало Гнилая потоки. К избушке они шли с единственной целью: узнать, есть ли кто из артели охотников.

По Гнилой протоке камышатники шли осторожно, поминутно останавливаясь, выстукивая лед прутом. Что было предусмотрительно с их стороны. Дни стоят морозные, снега нет, лёд всюду яркий и гибкий. Но на Гнилой протоке и лёд гнилой. Кочегин подумал, не пальнуть ли для острастки из ружья. В разговорах с жителями Куйгана и других поселков дельты Или предупреждал, что не будет церемониться, если на своем участке увидит Секача и Шлѐп-Ногу.

– Ты оставь свои кулацкие замашки! – заявил ему при встрече Секач. – Теперь демократия. Не имеешь права. Нет закона, чтобы стрелять по людям, как по воронам.

– А вот имею! – возражал Кочегин, и глаза его темнели. – Охранник имеет право стрелять, если со двора фирмы тащат материальные ценности? И ондатра – ценная продукция. Мягкое золото, понял?! Нынче разрешили отстреливать таких шакалов, как ты... Короче: увижу распотрошённую хатку на Кокчугузе да увижу тебя рядом – жажну картечью. А участковому Агибаеву скажу, что пушнину из избушки выносил. Скажу, бомжа Секач обрезом угрожал Бектургановым, а я вынужден был применить законное оружие, пресек хищение. И он поверит мне, сам догадайся почему. И прямо тебе скажу: ты бомжа, бич, а я – арендатор, законный промысловик. Лицензию имею. Подумай, станут ли меня судить за тебя...

Этими и другими словами Кочегин, что называется, брал на пушку Секача и прочих камышатников, вязавших маты для кошары толстого, раздобревшего от богатства Бектургана, бывшего директора совхоза. Ну а те только посмеивались. Дескать, мели, Емеля, твоя неделя. Им ведь «бригадир» матовязов, родственник Бектургана, обещал крышу. А по необходимости – обещал и обрез для выполнения ответственного задания.

Между тем, Кочегин и в самом деле приготовил патроны. (Только он их ни в коем случае не картечью зарядил, как случилось, когда шел в засаду на кабана). Что же делать, если егеря, якобы охраняющие уголья дельты Или, камышатниками не интересуются совершенно. С ними одни хлопоты: поди-ка, судись с этими камышатниками, попробуй-ка выцарапать штраф у бича, если у него ни двора, ни кола. Да егерю лучше сидеть в своей квартире и выписывать лицензии для горожан, любителей охоты в тугайных зарослях Или. Поэтому промысловики негласно объединили свои индивидуальное паи в «колхоз». Не просто одиночному промысловнику заниматься воспроизводством ондатры и охранять участок на урочище Кокчугуз, среди проток, мелких озёр и островов-аралов, заросших талой и камышом.

Кочегин аккуратно вложил приготовленные патроны в казенник и представил Секача и Шлеп-Ногу, когда над их головами, словно в кино про войну, с воем и визгом пролетит шрапнель. Представил, но стрелять передумал.

Заперев дверь на прочный массивный крюк, выкованный еще его дедом, заметался по избушке: сдернул с жерди стёганные штаны, схватил с кирпичей на печурке резиновые сапоги. Заправил штаны в сапоги, скрепив их между собой кое-как проволокой. Затем все это, проволокой же, приладил к кожушку, висевшему на столбе посреди избушки. Не забыл приладить к воротнику также и драный ондатровый треух с опущенным козырьком. Кочегин всегда ездил на мотоцикле в этом треухе с опущенным козырьком.

Закончив приготовления, присел на лавку, чтобы посмотреть, ладно ли получилось, и нет ли в его работе каких-то заметных изъянов. И ему самому стало не по себе от содеянного.

Между тем, голоса раздавались уже рядом. Браконьеры прошли прибрежные камыши Гнилой протоки и поднимались на ухвостье песчаного арала, где приютилась тростниковая избушка, обмазанная глиной. Кочегин вскочил с лавки и метнулся под широкий топчан, не забыв прихватить и ружье. А камышатники уже топтались у двери, дергали за ручку, стучали, кричали. Разумеется, если бы

им удалось увидеть мотоцикл с той стороны озера, то они, скорее всего, дали бы дёру. Но мотоцикла возле избушки не было. Кочегин не рискнул переехать по льду Гнилую протоку, отделяющую песчаный арал Кокчугуз от матёрого куйганского берега. Мотоцикл он оставил в зарослях джиды на островке: лёд на Гнилой протоке не прочен и на Крещенье.

Камышатники заметили дымок из трубы, когда уже вышли на открытое место, на середину озера, поэтому решили не отступать (это бы выдало их намерения), а зайти в избушку и честно попросить у охотника сахара или сухарей, заодно разведать обстановку. Таким нехитрым приемом пользовались не однажды, шныряя вокруг избушек промысловиков. Хорошо бы не было Кочегина. Но они знали, что и Кочегин не откажет в нужде человеку, хотя бы и считал он его своим врагом...

Секач подсеменял к окошку, прильнул к чистому стеклу, где еще не было хвощей и папоротников. Разглядывал долго. В избушке было темно: солнце утонуло в камышах и тальниках дельты, кроме того, камышатник заслонил собой большую часть окна. Наконец, Кочегин услышал завыванье, на которое Шлёп-Нога отозвался хриплым голосом:

– Ты чё, беззубая курва? С ума спятил?!

– Уходи-и-и! Его повесили-и-и! – завывая по шакальи на разные голоса, Секач перебежал по непрочному льду Гнилую протоку и напрямик ломанулся по камышам к озеру.

– Совсем из ума выжил, сучий потрох, – прохрипел Шлёп-Нога и подковылял к окну. В избушке опять стало темно. После некоторой тишины охотник услышал сбивчивый топот и треск камыша. Шлёп-Нога догонял своего подельника, взывавшего уже где-то на середины озера.

Кочегин выбрался из своего укрытия довольный. «Обкакались ухари», - пробормотал он, хлопнув по кожушку, набитому тряпьем. И тут же, без промедления, разобрал пугало, превратив его в кучу обыкновенной одежды. Но и теперь он не взялся за разделку сома к ужину, поскольку не считал свой план завершённым. Он быстро облачился в штаны, облепленные еще не отставшей солончаковой грязью, сунул ноги в резиновые сапоги, набросил на себя кожушок. Не забыл и ондатровый треух. И в таком виде нырнул в прибрежные заросли.

...Камышатники ходко шли по широкой Байминейской протоке, залитой лунным светом. Впереди, как обычно, семенил Секач. За ним, притоптывая вывернутой ступней, молча и неотступно следовал Шлёп-Нога с капканами. Иногда они останавливались, чтобы присесть на камышистую купину. Капканы груз тяжелый.

Камышатники уже оправились от потрясения и громко и беспечно болтали:

– Как же они умудрились его запереть изнутри?

– Не много ума надо – крюк насторожить... Да умеючи дверью хлопнуть, – хрипел в ответ Шлёп-Нога.

Собственно, разглагольствовал только Секач, сразу же понявший, в какую историю мог вляпаться. Кроме этого несчастного висельника, ему ещё и другое могли бы припомнить. Не один он свое прошлое хранит...

Радуясь, что удалось увернуться от большой опасности, он извергал потоки слов:

– Хорошо, снега нет, а лед, как стеклышко. Хорошо, следов не оставили. Которые возле избушки – можно не считать, земля мерзлая. А какие есть – понаедут.

затопчут. Хорошо, не сорвали крюк. А то ведь у нас с тобой на двоих одна справка из лагеря, и та липовая... Бугор наш не станет защищать. Еще и наклепает на нас, если его прижмет Агибаев. Тому всё равно, кого сажать. Он и казахов сажает, а уж таких, как мы с тобой... Да что об этом базарить... Смотри-ка, сомина под купиной. Во-о-он там чернеет, падина, чурбаком лежит подо льдом... Гад, нашу ондатру возле хатки караулит... А не глубоко, можно его оглушить. Трахнуть бы из обреза, да вот выдадим себя...

Камышатники намеревались по Байминейской протоке, как по накатанной дороге, выйтит к поселку Байминей, соименному протоке. Там кочегарит Сёма Стишенок, такой же, как они, бомжа, бич-бродяга. У него всегда изрядный запас сухарей, цыбики чая. И целое ведро пузырьков пустырника. Если и вылакал Стишенок целебное зелье, чифир-то он заварит отменный. И накормит, и уложит на топчане кочегарки. Если сам не валяется на куче угля. И что-то вроде сауны там имеется, можно попариться, даже похлестаться веником из солодовника. Да пусть хоть какой будет Стишенок, пусть хоть за стенку держится, а уж свои обязанности выполнит. А то как же, если они – Секач и Шлёп-Нога – его радетели-благодетели. Помогли ему устроиться в поселковую кочегарку без документов. И цыбики для чифира, и постель с матрацами и кроватью – всё добыто их трудами и стараниями... Только сауну в котельной Стишенок сам выгородил и устроил. Башковитый мужик, в советское время работал мастером в большой городской котельной в Караганде, еще сохранил умение... И теперь, в случае необходимости, в кочегарке можно перекантоваться.

Алкая предстоящие удовольствия в виде чифира и сауны с пахучим солодовым веником, Секач прибавил было шаг. Но как раз в этот момент он увидел черную фигуру человека, выявившуюся откуда-то из прибрежных камышей... И встал, как вкопанный, с открытым ртом, ощерив шакальи клыки. Шлеп-Нога, ковыляющий позади, с опущенной головой, ткнулся в спину своего подельника. Зарычал, выматерился. И тут же умолк.

Неподвижно, словно дух камышей, стоял Кочегин в резиновых сапогах, в стеганых штанах и колушке. Опущенный козырек знакомого им треуха прикрывал черное от солнца и ветра лицо. Да, это был Кочегин!

Охваченные ужасом, окаменев, бичи-браконьеры смотрели на висельника, стоявшего перед ними, словно молчаливое возмездие. Камыши не шелестели и не потрескивали, как обычно, лед отсвечивал мертвый лунный свет, казался залитым рыбьим жиром. А висельник стоял и стоял, только ружье в его руках неестественно медленно поднималось.

Шлеп-Нога первым опамятовался. Бросил мешок с капканами, ринулся бежать. Но поскользнулся, упал, да так, что лёд, хотя и гибкий, но еще непрочный на протоке с сильным течением, ухнул, загудел, затрещал. Ударил фонтан воды. Отталкиваясь от поверхности льда руками и ногами, Шлёп-Нога пытался удалиться от того места, где проломился лед. Но сам он при этом не видел ни фонтана, ни верховой воды-кызылсы, настигавшей его. Он не сводил глаз с безмолвного висельника, державшего его под прицелом тускло блестящего ружейного ствола, и ходившего почему-то кругами. Всеми усилиями мышц, ощущая трепет душонки своей, он стремился удалиться от него, как можно дальше. Ну, хотя бы на метр! И он как будто забыл, что у него есть хотя и неравноценные, но довольно крепкие ноги, он дергался на льду, как клоун в цирке и хрипел, задыхаясь:

– Су-у-учий потрох... Са-аса-са-а-бака! Обо-бо-бо-ротень...

А подельник его не слышал этих слов и хрипов. Он бежал, как сайгак по тақыру, и лязгающий топот и металлический, резонирующий звон тонкого ярого льда разносился по протоке с плотными массами стылых камышей.

Наконец ствол ружья перестал ходить кругами и качаться, грянули выстрелы, один за другим, три или четыре – началось сущее светопреставление. Над забубенными головами камышатников взвизгивали и выли рубленые гвозди, отшелкивали в камышах, рикошетили завывая, грызли и царапали лед. Эхо выстрелов волнами раскатывалось по камышистой протоке, перемежаясь с топотом бегущего человека, певучим звоном льда, гнувшегося под ногами. Шлеп-Ногу подстегнули эти ужасные выстрелы, уж такие ужасные, каких он никогда не слышал. Вскочив на ноги, обхватив голову руками, пустился за Секачом...

Кочегин вернулся в избушку с трофеями. В мешке, кроме капканов, он обнаружил заряженный обрез и патроны с пулями. Может, камышатники собирались завалить кабана, бродившего вокруг избушки и пожиравшего тушки ондатры, предусмотрительно сложенные на купине охотником для приманки. Но не исключено, что свинцовые самодельные окатыши предназначались также и для него, Кочегина, которого камышатники боялись и люто ненавидели.

* * *

По слухам, Секач и Шлёп-Нога в ту тихую лунную ночь не попали в свою «резиденцию» на Байминее. Отмахав по камышам и протокам километров тридцать (местами и незамерзающие солончаки пришлось месить), они объявились в Чагане, где обретались вязальщики камышовых мат. Ввалившись в саманную землянку, они понесли чушь несусветную, после чего потребовали полный расчет. И вытрясли свое, причем живыми деньгами. От ящика с палёной водкой, припасенной «бугром» (родственником Бектургана) в необходимом количестве для подобных экстренных случаев, когда трудники дикой камышовой артели вдруг начинают бунтовать, Секач и Шлёп-Нога решительно отказались. Трезвые и сосредоточенные, они вышли на безлюдную остановку у ближайшего бархана, покрытого кустиками безлистого терескена и сухими стеблями верблюжьей колючки, дождались рейсового автобуса. Больше их никогда не видели ни в Чагане, ни на Кокчугузе, они словно растворились среди камышовых трущоб дельты.

Впрочем, и другие браконьеры-камышатники, как их ни уговаривал родственник Бектургана, зареклись появляться на Кокчугузе. Что хорошего, если промысловые угодья охраняются строже российских военных объектов на Балхаше. Сказывают, там и чертовщина водится, говорят, предводитель промысловой артели шальный мужик. Или даже оборотень. А что – бывают и оборотни; это в минувшее советское время всё скрывали, нельзя было про оборотней писать и даже говорить. Теперь всё не так: колдунов и полногрудых ведьм с роскошными телесами показывают по телевизору на российских телеканалах. И даже усопшего много лет назад в Бурятии Будду показывали: якобы он иногда пробуждается, издает вещие звуки, делает движения и знаки, пророчествует о грядущем...

Нет, уж лучше спокойно вязать маты для кошар Бектургана и его родственника, а после работы завалиться на топчан в землянке и попивать из носика чайника тягучий, как деготь, чифир...

СЕРДЦЕ ПАЛОГО МХА

Сухим, ясным выдался нынче Егорий Вешний. И даже в такой день шумит и гудит на краю Палого мха еловый бор, вернее, остатки того, что было бором.

Отдыхаю на высокой болотной кочке у тропы, на которую перед тем, как сесть, уложил жерди, постелил берёзовую кору. Это для того, чтобы не порушить открывшуюся жилу, не захламить жерло родника. В то же время, чтобы путнику удобно было сидеть у источника, размачивать в светлом омутке походный сухарь и есть его, запивая ключевой водой. Ключик – тут же, у основания кочки играет, открылся с десятков лет назад. Оказавшись здесь, я непременно прочищаю канавку, по которой в сторону Медвежьего ручья и стекает мхами родниковая вода, наполняющая омуток у кочки.

...Куда ни гляну – моховые кочки в воде, говоря языком вытегов, ровда не вышла (подо мхами ещё сохраняется мерзлота), вешняя вода ещё не ушла в толщу мхов и торфа, не испарилась.

Что это там, между кочками? Отчего-то вода колышется! Повсюду вокруг белые ватные облака отражаются, а тут – вижу ритмичное колебание воды. Словно бы в толще мхов насос работает, силится вытолкнуть воду в желобок между кочками. Иногда всё же вода выдавливается наружу, и она струйкой стекает в расчищенную канавку... А на моховых наростах сверкают не высыхающие капли, и над ними радуга вдруг расцветает. И как бы не замечаю того, что обычно ввергает в печаль меня – огромные хлысты больших деревьев, брёвна, вдавленные в ягодный мох лесозаготовительной техникой.

Палый мох, остатки бора по краям его, еловые веретья-островины – бесценные природные схроны драгоценной воды. Сталью отливающая ручевинка среди толщи мхов, которую я по пути на дальние ленинградские озёра два-три раза в году прочищаю, не пропадает бесследно. Родниковая вода просачивается сквозь мхи к ручью, питающему знаменитый в этих краях Кельручей, в свою очередь, питающий Ронгу-речку – самый крупный приток реки Ошты. И все эти бесчисленные родники, ручьи, речушки, подобные Оште, и превращают Онегу в бесценное хранилище превосходной питьевой воды...

Забыли люди Михаила Михайловича Пришвина, замечательного русского писателя, призывавшего нас «хранить места, откуда вытекают реки»!

Сколько таких мхов погубили, и сколько безымянных ручьёв, подобных Медвежьему и Кельручью, и даже крупнее ручьёв, завалили грунтом, стволами деревьев, превратили в гниющие заболоченные пространства! Говоря языком арендаторов лесных участков, – зашпалили ручьи. Да ещё, бывает, скверные людишки бросят в мох вышедший из употребления какой-нибудь механизм; тут мне сочинять не приходится: у истоков Вой-ручья лесовозный аккумулятор в ручеёк точит кислоту, а Вой-ручей, между прочим, тоже впадает в реку Ошту, форелевую, светлоструйную.

Общественность должна ясно осознать, что на нашем Северо-Западе ручьи и родники загрязняются, иссякают и даже исчезают, прежде всего, там, где прихватизаторы Русского леса хищнически истребляют боры, верховые болота с ягодными мхами.

Приезжали ко мне в деревню репортёры «TV-КПРФ» (телеканала у Компартии пока нет, но группа молодых энтузиастов готовит и распространяет на различных сайтах и в социальных сетях ядовитые критические видеоматериалы), рассказывал

им о том, как работнички «Онегалеспрома» испохабили приречные леса, верховые болота Оштинской долины, леса водосбора реки Ошты. И далеко нам ходить не пришлось: рядом с деревней Курвошский Погост в зарослях душистой, мёд источающей рамжи (местное название таволожки) торчит дырявая металлическая бочка, из неё в глубокие колеи стекает машинное масло. А когда-то в этом месте роднички выбивались, собирались в омуток с песчаным дном, а на суку под елью висел берестяной ковшик.

Беседовал месяц назад с господами-арендаторами, возомнившими себя крутыми владельцами таёжных лесов Северо-Запада, понял, что озёра, питающие Ошту, в их понимании просто лоханки с водой, а ручьи – что-то вроде сточных канавок, которые только мешают лес вывозить. Вот их и зашпаливают... Разворочен грунт по кряжам-крутякам, по склонам Оштинской долины. Вырубили вековой охранный лес, и теперь пластами сползает к реке незакреплённый мощными корнями грунт. По пути движения глина заваливает малоприметные на глаз равнодушного заготовителя, мигранта-лесоруба бесчисленные родники и ручейки, рождающиеся среди камней, покрытых толстыми мхами, лесной подстилкой.

Читатель этой книги должен знать ещё и вот что: чиновники из аппарата губернатора (а также и арендаторы) таковым беседам и терпеливым разъяснениям удостоили меня в моей деревенской избе (и даже на ближайшую вырубку я им экскурсию устроил) только потому, что были энергичные депутатские запросы из фракции КПРФ в Госдуме, запросы депутата Святослава Михайловича Сокола. Уже по этой причине я не согласен с теми радикальными товарищами, которые считают, что протирать штаны коммунистам в буржуазном парламенте нет никакого смысла.

«Мы же только лес берём, – снисходительно объяснили мне мои собеседники из «Онегалеспрома», – вода в озёрах и ручьях остаётся... И всюду вдоль реки лесопокрытое пространство...». Словом, живого леса не видит, а только товар видят, то есть кубометры и прибыль с этих кубов. И даже бывая в лесу, будто не замечают чудесный свет весенних берёзовых рощ. Нет, не видят Живой Природы прихватизаторы Русского леса!

И если вы спросите меня, а что же собой представляет это самое «лесопокрытое пространство», где ещё не так давно шумели и рокотали колхозные леса, то скажу вам, это даже в лесном блокноте записано: «Теперь там сплошь кустарник, мелкое частолесье, над которым тут и там возвышаются одинокие деревья. Может, через двести лет и вырастет хилый лесочек. Но, скорее всего – ничего не вырастет, поскольку рядом нет семенных куртин, елей и сосен, богатых шишками...»

...Ладно бы – вырубили да вывезли лес. Так нет же! Брёвна, хлысты, матёрые лесины (и даже целые штабеля леса!) всюду гниют и преют. Только теперь уж они позарастали чернолесьем, которое и скрывает их от сурового прокурорского надзора, увы, гипотетического... На самом же деле прокуроры дороги в лес не знают, я в этом убедился... Впрочем, может, и знать не хотят...

Светлые берёзовые рощи расхитили, наполненные голубоватым светом, истинные храмы Природы...

Рудовые сосны по крутякам Оштинской долины, словно медью окованные, жарко-красные в лучах восходящего солнца – расхитили, повырубили...

Вековые шатровые ели, прибежище белок и куниц, сохраняемые до перестройки в качестве эталона древесной растительности, семенного фонда, – тоже

не пощадили... И даже осины неохватные повергли, исполинами возвышавшимися тут и там, с гнёздами пернатых хищников на могучих сучьях (орланов, лесных воронов), повалили великанов с дуплами-жилищами филина, краснокнижной желны (чёрного дятла). Повалили да и бросили тут же: повалили, выхватили со сну и ель – осина же оказалось без надобности...

Когда-то мастеровитые вытегоры такие деревья употребляли на изготовление карбасов, – легких, ходких, удобных в управлении веслом с одной лопастью. Нынешний заготовитель леса полагает, что оштинская осина в дело не годится, и пусть бы так думал. Но, к сожалению, её рубят, как правило, только для того, чтобы «зашпалить» родниковую жилу, ручевину, устроить переезд, как говорится, напрямки. Хотя лесовозы могут по гривам объехать топкое место, то есть водосбор ручья, ягодный мох.

Истребляется среда обитания человека и всего сущего на земле, истребляется Живая Природа во всех её проявлениях...

Слышу, слышу вопрос: «А что же – в советские времена не валили лес?»

Рубили, конечно, и при Советах, может, и слишком много рубили. Особенно после войны, когда лес был необходим для восстановления сёл, посёлков, городов, шахт, заводов, вообще народного хозяйства. Иногда лес был единственным строительным материалом, притом же, пригодным к немедленному употреблению в дело. Словом лес рубили для возрождения жизни человеческой, изуродованной страшной войной.

Да, рубили... Но ведь под надзором лесной охраны с природоохранными советскими законами в руках, которые были похерены всё теми же либерманами, адептами свободного рынка. Делянки разных пород леса были строго определённого размера, и уж никак не бесконечными километрами измерялись. Соблюдался, пусть и не всегда, порядок высечки леса, опять же – с учётом сроков созревания пород. Рубили не где попало, а в пределах Гослесфонда, а так называемые колхозные леса сохранялись, и по этой причине тоже к сёлам, посёлкам, деревням, к дачным участкам подступали берёзовые рощи, еловые и сосновые боры.

Увы, рубили... Но, по окончании рубок, делянки очищались от хмыза и древесного хлама, засеивались семенами лесных культур, покрывались щетиной зелёных саженцев-сеянцев хвойных пород. И там, где рубили леспромхозы, ныне поднялись еловые и сосновые рощи, которые обживают представители местной фауны: лоси, медведи, белки... С ужасом думаю: «А что как «Онегалеспром» «выиграет» тендер на рубки ухода в этих рукотворных лесах?!»

И уж конечно, в советскую эпоху леспромхозы не губили верховые болота¹, не вырубали лес по гривам вокруг ягодных мхов, по веретьям-островинам на верховых болотах. Верховые мхи оберегались не только природоохранным законодательством, как уже говорилось, они также были под приглядом и местных жителей. Слова «народный контроль» – не были пустым звуком. Теперь это признают даже убеждённые антисоветчики.

Вот сию и вижу: и здесь тоже напакостили кормильцы-благодетели...

¹ Некоторая часть заболоченных территорий в 70-е годы минувшего века была осушена в ходе мелиорации. Тут нужно учесть, что руководителям советского государства в течение многих десятилетий приходилось решать проблему продовольственной безопасности в сложнейшей международной обстановке – свирепые санкции США и Запада против СССР несопоставимы с нынешними против России. Озвучивая доктрину госбезопасности США, президент Рейган прямо заявлял, что он «заставит русских жрать опилки».

...Пора, пора впрягаться в лямки «таймыра»², не близкий путь к Ясень-озеру (под прибрежными моховыми сплавинами там ждут меня глубинные шуки), а вот люблюсь игрой воды в руслице ручейка, прислушиваюсь к струйной музыке.

Ритмично и непринуждённо бьётся сердце Палого мха, дышит ягодный мох, чудом не погубили его работнички «Онегалеспрома»! И давешний гад по-прежнему живёт среди высоких кочек Палого мха, большой в чёрных и серых узорах, настоящий аспид. При заходе на мох я, было, наступил на него, и он клонул. К счастью, толстая резина сапога защитила ногу.

Спокойно и ритмично и моё дыхание, жажда утолена, душа упоена покоем Палого мха.

ПОД ИГОМ НОЧЕЙ В ПЕХНЯГАХ

1

Сиж у тлеющей нодьи под защитой шатровой ели. Чурбаки горят ровно, коротким пламенем, по всей длине. В бору сумерки наступают сразу же после захода солнца, и некоторое время было так темно, что за пределами костра я ничего не видел. Но вот появилась луна, и теперь бор в полосах мёртвого лунного света, в отблесках живого ночного костра, озаряющего комли елей и сосен.

Праздно привалившись к прислону из смолевых чурбаков и жердей (ночной запас топлива), смотрю на озеро сквозь кровельную плёнку, ещё не запорошенную еловой пылью, не затемнённую копотью костра, значит, не утратившей прозрачности. Гляжу на озеро, как из огромного окна богатого особняка. Любуюсь лунной дорожкой маслено-жёлтого цвета, какой бывает у свежей щепы сосновой сушины. Вспоминаю, как я первый раз тащился сюда, к Солгоре, не сводя глаз с пятнышка погасающей зари, а компас развалился.

В поисках необитаемых озёр мы с Петровичем (когда вместе, иногда порознь) странствуем по лесам и вырубкам Вытегорщины и Подпорожья. Покинули менее обитаемые вологодские озёра, создали на ленинградских озёрах инфраструктуру выживания – натоптали тропы, обозначив их тесками-клеймами, построили избушку, сплотили два плота. И всё это – вроде как для других людей, совсем чужих нам людей.

Господи! Ну, какая нужда гонит людей в леса (и ведь уже изрядно расхищенные леса!), в горы Полярного Урала, в песчаные пустыни, в моря, наконец? Что вынуждало художника Роккуэлла Кента странствовать по свету вместо того, чтобы иллюстрировать классиков литературы, – Шекспира, Мелвилла, в чём он, между прочим, не имеет себе равных? Судя по документальным фильмам, в морях Мирового океана, на яхтах или даже на плотах, даже на утлых шлюпках-яликах, люди месяцами, а то и годами живут. Вот так живут и возвращаются в города счастливыми. Если, конечно, вообще возвращаются, если не остаются навсегда на каком-нибудь коралловом островке в Тихом океане или в пучине морской... Нет, не могу я тебе, читатель, ответить на подобные вопросы. Меня же в леса Вытегорщины влечёт власть природы. Точно так же, как прежде, в молодые годы, эта же власть природы влекла меня на просторы песчаных пустынь Евразии... Возможно, человеческая душа, угнетённая чуждыми ей ритмами и звуками города, требует насыщения картинами, голосами и ритмами естественной природы.

² Типовое название рюкзака.

«Ты ещё не перегорел! Не успокоилась твоя бродяжья душа!», – сказал мне Петрович, когда я ему сообщил, что иду на ленинградские озёра.

Мои странствия, конечно, ничто по сравнению с теми, что совершаются смельчугами и безрассудными землянами (вроде того же Фёдора Конюхова) по морям Мирового океана на жалких судёнышках под парусом. Но тоже неделями скитаюсь, и под конец этих скитаний мечтаешь насладиться уютом деревенской избы, а уж баня с пропитанными копотью стенами, словно бы покрытыми чёрным гляncем лака, с камнями печуры, опушёнными сажей – ни с чем несравнимое блаженство. Оазис, мечта бедуина в песчаной пустыне аравийской.

Лежу возле разгорающихся чурбаков, поглядывая на оранжево-фиолетовое узорочье пламени, задрёмываю; громкое фырканье ночного костра, удары шишек, падающих на кровлю шалаша, разнообразные лесные звуки и шорохи беспокоят дремлющий мозг, и уже вместо деревенского оазиса, о котором мечталось, греются обрывки мелодий, стихов...

Что такое?! Слышу повторяющиеся, вроде как металлические звуки с того берега. Нет, не показалось, отчётливо слышу: ельник идёт бродяга, и у него в котомке брякает и звякает плохо уложенный котелок с ложкой и кружкой. Это меня, конечно, настораживает, нащупываю шершавую костяную рукоять ножа под изголовком, то есть под сапогами, набитыми сухим мхом. Добрые люди не шастают по ночам в лесу. Если принять во внимание, что бродяги-бомжи обретаются в основном в городах и крупных посёлках, то можно предположить только одно: вокруг озера бродит какой-нибудь зэк, бежавший из тюрьмы. Говорят, из вологодской тюрьмы частенько бегут, некоторых беглецов годами не могут разыскать. Да их, якобы, и не усердно ищут наши доблестные «правоохранители», полагая, что они неотвратимо опять окажутся в тюрьме, совершив очередное преступление. Это с русскими патриотами скоро расправляются и сроки дают приличные. К счастью, я за все годы скитаний по лесам не встречал преступников и деклассированных элементов. Правда, некоторые чиновники из лесного департамента Вологодской области, особенно те, кому приходится примерно раз в год сочинять отписки на запросы депутата Госдумы, таковым, – деклассированным элементом, бродягой, – как раз считают автора этих строк. Возможно, они по-своему правы, я, в самом деле, значительную часть своей жизни провёл в скитаниях. Собственно, в этом и нет ничего нового: писатель, философ и поэт Генри Торо в глазах жителей американского Конкорда был бродягой и бездельником, даже в тюрьму его сажали.

...Ещё одна неприятность: вокруг костра и шалаша летает моховой шмель, недовольно гудит. Никак шершень?! Цапнет, мало не покажется! Живёт в пластах мха, которым я обложил нижний ярус временного лесного пристанища, потревожил его, когда укреплял жердевой каркас шалаша, сооружённый на скорую руку. Да ещё огонь, смолевой дым. Вот и недоволен. Летал кругами шмель (или шершень, кто же его в темноте разглядит!) гудел-гудел да и улетел искать более спокойное место. Между прочим, северные моховые шмели советскими учёными были занесены в Красную книгу. Напрасные труды: гнусные людишки, лесоистребители, не пощадили мхов.

Ночь тихая, ни веточка не треснет в сучьях ели, под сенью которой я однажды спасался во время сильного ливня с ветром, и не было другого укрытия, кроме этой матушки-ели. Даже металлические звуки прекратились.

2

...Как будто вчера было, хорошо помню день и час, когда меня застигла дождевая буря на тропе по пути к Солгоре. Перед тем некоторое время спасался от дождя под плёнкой на Ясень-озере, и мне показалось, что дождь стихает, и я решил вернуться в деревню; на тропе между Ясень-озером и Солгорой попал под сильный проливной дождь. Однако я не жалел, что ушёл с Ясень-озера, на берегах которого тогда не было никакого лесного убежища, даже и примитивного стана где бы можно было укрыться в непогоду. Только плёнка привязана к лапам елей, самый настоящий заячий шалашик на случай непогоды. Поэтому и решил, что уж лучше идти куда-нибудь, пусть и в дождь, чем сидеть под плёнкой и околевать от сырости и холода.

Выйдя на берег необитаемого в то время озера у Солгоры, я понял, что идти дальше не могу, что надо остановиться...

Выл ветер, вот эта могучая шатровая ель на краю прибрежного бора, раскачивалась, как былинка. Гром грохотал не переставая, чудовищный треск оглушал, то и дело вспыхивали синие молнии, и разряды словно бы всаживались в ближайшие ели. Однажды я даже совсем рядом увидел вспышку огня, подбежал к ели, в которую, как мне показалось, ударила молния. Но ни свежей щепы, ни повреждений в виде трещин я не обнаружил. А громовую стрелку, сварку песка в виде песчаной сосульки, не стал искать, не до того было.

Ледяные потоки дождя, конечно же, пробивали хвойный шатер. Но все же теперь, под елью, за шиворот не текли ушаты воды, как это было полчаса назад, когда я, подобно объатым ужасом детям, бегущим от грозы,³ стремился к Солгоре, чтобы найти убежище в еловом бору. Тогда ещё не было изобки на восточной стороне озера, даже не было этого шалаша под елью у тропы, откуда в лунные ночи открывается чудесный вид на озеро.

Дождевые потоки били откуда-то сбоку, под хвойным шатром клубилась водяная пыль. Трудно в таких условиях развести огонь. Но у меня нет выхода, и я у самого комля выложил костерок из смолевых сучьев, положил как можно больше берёзовой коры, – благо, её тут в достатке, она и сейчас под елью же нанизана на заострённые сухие сучья. Добавил в растопку несколько комочков еловой смолы. Укрывшись сверху плёнкой, осторожно извлёк из коробка спичку, чиркнул о черкало...

Ещё минуту назад не верилось, что в таких условиях, под потоками дождя и секущего ветра, бьющего с разных сторон, смогу развести огонь. Но вот – полешки разгораются, пусть пока и не слишком жарко. Первые минуты огонь оберегался, как птенец под крылом наседки, – я его прикрывал своим телом и полою куртки. Поэтому и занялись быстро крупные сырые сучья, а на комле ели начинает выступать смола. Вот оно, счастье живого огня!

Теперь бы ещё и помыться... Во время стоянок в лесу, когда горит костер, очень даже сподручно мыться во время ливневого дождя: высунулся между торцом ноги и краем боковой защиты шалаша-заслона, подставился под потоки дождя, намылится, потёрся ветошкой, и – снова под навес, где всегда тепло, если жаркие чурбаки. Хорошо бы и теперь воспользоваться случаем, смыть с себя пепел и ко-

3 Автор имеет в виду название и сюжет красочной, поэтической картины русского художника К. Маковского, которая была известна во всех уголках СССР, благодаря репродукциям, издававшимся огромными тиражами.

поть. Да нет же: устал, продрог, можно схватить жесточайшую простуду, врачей нет, и только до деревни полтора десятка километров, может и больше, кто же их тут мерил, эти километры...

Раздумывая о помывке, смотрю, как языки пламени лижут комель дерева, тянутся вверх. Да так вытягиваются, что бороды мха на сучьях, которые минуту назад казались сырыми тряпками, сейчас вот вспыхивают, как порох, и уже тонкие сучья начинают обугливаться и тлеть. Смотри, путник, хорошенько смотри – может загореться живое дерево! И загорелось бы, да дождь потоками, водяная пыль.

Принялся орудовать костровой кочергой – палкой с крюком в виде клюшки. Да так энергично сбивал языки пламени, скользившие по стволу, что даже согрелся.

И это было моей ошибкой! Я ведь размазывал выступающую свежую смолу кочергой по дереву, и огонь от того только усиливался, и языки пламени вспыхивали и гасли над головой на такой высоте, что я уже едва мог дотянуться до них.

Отбросив кочергу, разгрёб толстый слой лесной подстилки, разодрал руками и ножом дернину и тонкие корни, добрался до песка, до белужины, горстями земли сбил пламя. Затем снова схватил клюку и уже, ничуть не заботясь о спасительном тепле, развалил костёр, отодвинул чадающие головни подальше от комля, от корневых еловых отростков.

Всякому, кто собирается в лес, необходимо знать, что как раз эти боковые корневидища, выступающие в стороны, и удерживают ель в вертикальном положении, даже и при ураганных ветрах. Повреждённые же огнём (или, что тоже бывает – топором) они не могут удержать могучее дерево; наша российская ель непременно падает с такими повреждениями, поскольку она в отличие, например, от семиреченской (в горах Тянь-Шаня) лишена мощного якорного, стержневого, корня.

...Здоровье своё береги, путник, но матушку-ель не губи, не уничтожай, пригодится! Если, конечно, её не похитит загребущая рука арендатора.

Вновь сложенный на безопасном расстоянии от комля костёр жарко пылал, а я, прислонившись к дереву с обгорелой корой и натёками выступившей смолы, согревался волнами тепла. Я чувствовал, как к осмолённой ели прилипает мой свитер, но на это уж не обращал внимания.

А ветер гудел и выл, и ель раскачивалась, как одинокая рябина на лядине.

3

Ну а нынче тихо в лесу, только эта ель, которая сберегла мне здоровье, хоть как-то защитила, и под которой я впоследствии на скорую руку соорудил сквозящий шалаш, иногда немного поскрипывает. (А ещё какие-то металлические звуки всё же доносятся). Возможно, она уже двести или триста лет поскрипывает... И что я о ней знаю?

В годы странствий по Семиречью, мечтал написать очерк или рассказ, в котором была бы наглядно и живо показана сложная жизнь обитателей, например, песчаного бархана Кокчугуз в дельте Или, поросшего белым саксаулом и жузгуном.

Или взять хвойный бор на Солгоре, в лунном свете он сейчас хорошо виден. Что о нём знаю? Перечисления видов обитателей бора займут не одну страницу. Ибо известно, живые существа в бору Русского леса живут и на земле, и под землёй,

и в подстилке лесной, и на деревьях – от комля и до самых верхушек, их здесь огромное множество, городской обыватель даже и не подозревает о существовании некоторых видов. Да и жизнь тех, которых он часто или редко видит, тоже для него, как правило, не ведома, если он не специалист-зоолог, не орнитолог. И если дать художественное описание жизни соснового или елового бора, то получится интересная книга. Но тут нужен зоркий глаз Зворыкина, нужны глубокие научные знания Мантейфеля, Формозова. Я же очеркист, повествователь скитаний.

Уничтожают светлые берёзовые рощи, еловые веретья-островины среди болот, непроходимые пехняги с тропами и лежками крупного зверя, сосновые боры с токовищами глухаря (редкое чудо земное!)... И ради чего истребляется среда обитания человека и всего сущего на земле, живая природа во всех её, совершенно непостижимых проявлениях? Добро бы для устройства жилищ, каких-то полезных производственных зданий. Да нет же – леса вырубают ради ненасытных потребителей бумаги! Городской обыватель не успевает выгрести из почтовых ящиков рекламные листки, официозные или бульварного типа газетки-брехунки, в которых главное – кричащий заголовок крупными буквами во всю полосу, а читать нечего, и факты извращены; журнальные же киоски на станциях метро и по всему городу забиты весёлыми журнальчиками с глянцевыми обнажёнными телесами на обложках, – вот на что истрачены еловые и сосновые боры, чистые берёзовые рощи, истинные храмы Природы. Жадные, ненасытные люди холодно и равнодушно истребляют природу лесов Прионежья, ещё даже как следует не изученную до конца.

Нет, не хвойные боры рубят, не берёзовые рощи – Русский дом, планету людей уничтожают!

И что же получается, дорогие друзья? Здесь, на Оштинском рубеже, финским агрессорам насмерть противостояли советские дивизии, сформированные из сибирских и вологодских мужиков. Гитлеровские сателлиты очень скоро поняли, что у них нет никаких преимуществ в лесных дебрях, чем они прежде похвалялись, вспоминая былые бои на Карельском перешейке. Значит, красноармейцы защищали от оккупантов еловые и сосновые боры, рыбные озёра, форелевые речки и ручьи, а также, конечно, – все эти талые, холодные и белые ручьи, источники местнотимые.

Тоска сердечная охватывает, когда с лупой в руках перечитываю покоробившиеся, побуревшие от пота и дождевой влаги страницы путевых блокнотов. Эти письменные «затеси» в блокнотах я оставлял во время привалов на Урозерской тропе. Теперь там, где была старинная Урозерская тропа, совершенно непроходимые вырубки; вытегоры (Авдеев, например) непременно называют их погаными или вот ещё воровскими. Собственно, и тропы теперь нет, как таковой, какая там тропа, если кругом пресловутый «порубочный материал» – вершинник, комли могучих деревьев. И тут же двадцатиметровые стволы, длинные, без изъянов, сосновые и еловые жерди, имеющие вполне товарный вид. Вот что совершенно невозможно объяснить, даже и рыночными законами и порядками – лес рубят, и бросают!

Уже и не верится, что не так давно совсем другое было на пути к Ясень-озеру, как об этом свидетельствуют походные записи карандашом: «Первый раз иду мне совершенно незнакомой, а для местных жителей – вековой Урозерской тропой. Поэтому поглядываю на компас. По обе стороны сплошь высокие дере-

вья, ровные, прямые, сучья и ветви только на вершине, и оттуда на тебя смотрит глухарь, прилетевший на ночёвку; свесился, удивлённо крутит головой: «Что за пень вертячий-ходчий в урмане?» Ну, ни одного суковатого дерева, такого, чтобы можно было во время привала зацепиться за сук, покачаться на суку, растянуть, размять, расшевелить позвонки. На всём пути от Ивинской дороги и до Вой-ручья, и далее – до Палболота, Палого мха и Ясень-озера – ни одной ели, ни одной сосны или осины, подходящей (с суковьём) для упражнений. Мачтовый лес. Даже и берёзы – высокие, стройные, гладкие; листва и сучья высоко. Сбился с тропы, заблудился – не забраться, чтобы оглядеть окрест... Встретится медведица с детищем или бык осенью (лось) – не спастись... И такой вот лес, именуемый в экологических монографиях первобытным, а в зарубежной экологической литературе его ещё называют климаксным (то есть достигшим равновесия с климатом и различными биологическими видами своего развития в эволюционном процессе, неспособным к дальнейшим эволюционным изменениям), нынче истребляется (всюду вижу деляночные столбы, тески, указывающие границы так называемых выделов – массивов, определённых под вырубку) вывозится за кордон на потребу ненасытному буржуину, европею, захапистому америкосу...»

«Храм природы разрушен, и это невозполнимо! Всякий храм – православный ли, языческий, или памятник советской культуры, можно реставрировать или полностью восстановить, если есть на то воля людей – верующих, ценителей архитектурных раритетов минувшей (или истреблённой до того) цивилизации».

«Уничтоженный бор возродить невозможно. Даже сосновые и еловые лесопосадки советских времён, ныне греющие душу скитальца, вряд ли когда-либо, даже и в отдалённом будущем, станут тем, что мы называем русским словом бор».

«Леса Оштинской долины, и всего обширного водосбора реки Ошты, подобны подрубленному дереву, которое ещё не рухнуло только потому, что лесоруб решил хорошенько осмотреться, а также отдохнуть, прежде чем нанести последние решающие удары топором. Жизнь на дереве кипит: тут, высоко над землёй, желна хлопочет возле дупла с птенцами, которым она поминутно таскает корм, не ведая, что и дереву, и птенцам совсем немного жить. Тысячи корешков этого дерева, защищённые пробковыми, почти невидимыми крошечными чехольчиками, продолжают проникать в плотные пласты земли, тянут влагу и всякое питание для могучего древесного организма, листва весело шумит и кипит, как на любом другом дереве, поступает сок по стволу, даже к самым верхним сучьям и листве. Вот сейчас лесоруб, отдохнувший, наметивший место падения дерева, встанет, возьмёт топор, чтобы довершить работу. А дерево и в эту последнюю минуту ободряет его же свежим ароматным дыханием...».

Таковы мои мысли и настроения, когда я отдыхаю на какой-нибудь валежине с рюкзаком, наполненном ягодами или рыбой.

Пользуясь случаем, отвечу на вопрос, который мне в дискуссиях задают «друзья» из природоохранного департамента: «Ну а если перестойный, переспелый лес? Оставить на съедение короеду и древоточцу?» И некоторые политики и депутаты любят порассуждать о переспелых и перестойных лесах.

Измышление лесных академиков, обслуживающих тотальный лесоповал. И уж кто-кто, а учёные мужи отлично знают, что бор, как единое целое, тем более – крупный лесной массив, – строго говоря, не может быть перестойным. Или

«перезрелым»), как, например, яблоко или арбуз. В бору не бывает деревьев одного возраста. На месте упавшего дерева (или рядом с засохшим) тут же начинают стремительно развиваться деревца, до того находившиеся в подсаде, в тени. И если отдельная сосна или ель живёт сто пятьдесят-триста лет (а сто лет – лишь возраст товарной пригодности хвойных пород), то еловый (или сосновый) бор, как целый организм, вечен. Отдельные деревья, засыхают или падают, но бор живёт сотни и тысячи лет. Если, конечно, человек не вмешается. Что касается древоточцев и короедов, на которых любит кивать учёная обслуга лесоповала, и в самом деле уничтожающих ныне целые массивы, то это, опять-таки, дело рук человеческих. В устойчивом хвойно-лиственном биоценозе древесные вредители находятся «под контролем». И всем известные дятлы – не единственные природные «регуляторы» и «контролёры».

Сегодня властные мерзавцы за просто так отдают наши богатства жадному инородцу, тем же финнам. И уже погосты, древние поселения, отдают – в деревне Курвошский Погост экскаваторы-погрузчики подступают к горе с древним кладбищем, сохранившимся срубом храма, подворьями деревенских жителей, участками дачников... В двух шагах от моей избы маркировочные пограничные столбы появились, недвусмысленно указывающие на границы промышленного карьера. Да что там! Огромные акватории студёных, ледовитых морей с островами, прежде викингов освоенные русскими поморами, засеянные их костями, отдали жадному иноземцу... Патриотическая риторика, иногда звучащая в устах Президента страны, в средствах массовой информации – это одно, правительственные решения и постановления – совершенное другое, а деяния мафиозных групп на местах – за пределами человеческих законов...

Когда-то мне не давала покоя мысль, что ради орошения земель, ради свеклы, кукурузы и люцерны были превращены в пустыню сотни километров уникальной поймы низовьев реки Чу. Как и деды мои и родители, выросший в Семиречье, я не мог не понимать, что там без орошения нет земледелия, но и не мог смириться с тем, что с лица Земли исчезли разливы, узёки – протоки с сомиными, сазаными и язевыми ямами, озёра с белыми кувшинками, с вызолоченными краснопёрками в прозрачной глубине, с камышовыми крепями, тянувшимися на десятки и сотни километров, с непроходимым приречным тугаем, где находили прибежище камышовые косули и кабаны. Конечно – и семиреченские фазаны, чудо тугайных зарослей, здесь их в те времена было не меньше, чем чёрных ворон. Случалось, на нашей бахче вредительствовали...

Царство природы разливов Чуйской поймы годами изучали различные экспедиции биологов, зоологов, ботаников и, насколько мне известно, это грандиозное комплексное исследование, предпринятое в соответствии с великим «Сталинским планом преобразования природы», не было завершено. Разрушение Чуйской экосистемы было довершено во время крушения СССР, невосполнимая утрата для землян, это случилось на моих глазах.. Считаю, что можно было сохранить природу низовьев Чу-реки при всех издержках начального этапа социализма на нашей планете. Тут просто вынужден сделать ещё одно отступление, которое кому-то может показаться агиткой, грубой публицистикой. Перед тем, как отправить рукопись в типографию, я дал её почитать NN, филологу с большим редакторским опытом. На полях страницы с моими воспоминаниями о судьбе

природы низовьев Чу-реки он оставил замечание: «Вот ваш коммунизм, хвалёный развитой социализм!». Слова «развитой социализм» были жирно подчёркнуты красным карандашом. Возможно у некоторых читателей такие же мысли. Поэтому считаю необходимым сообщить следующее. В. Молотов, один из выдающихся руководителей советского государства, верный соратник Сталина, в интервью поэту Ф. Чуеву по поводу «развитого социализма», измышленного начётниками и горе-теоретиками, сказал такие слова: «Нет у Маркса, Энгельса, Ленина такого социализма, где продолжается господство денег... Нет такого социализма... Ну вот... такого, где бы социализм был при деньгах, при мошне...»⁴ Стало быть, до катастрофы СССР советское общество находилось, подчёркиваю особо, на самом начальном этапе социализма. Социализм ещё предстояло построить.

А ныне стал свидетелем гибели лесов Вытегорщины, пожалуй, и всего Северо-Запада, преступно расхищаемых так называемыми арендаторами!.. Нет, я не смирился, обрёл себя на совершенно безвозмездную, никем не оплачиваемую в наше время каторгу литературного очерка.

4

Тепло костра, ароматы разогретой хвои притупляют чувство опасности, располагают к беззаботному отдыху. И новый день жду, как подарок. Хотя и знаю: труды предстоят немалые. Утром должен обойти озеро, наловить живцов, обновить наживку на крюках жерлиц-самоловов. Не по твёрдой тропе идти – по мхам прибрежным, где нога не находит опоры, глубоко погружаются в мох, а иногда и проваливаются в бобровые ходы; брести, волоча за собой пластиковый мешок с жерличными рогатками, а ещё в руках живцовая удочка и ведёрко с водой, в которой плещутся окуньки и плотицы... И толстые суковатые валежины тут и там.

Обойдёшь вот так озеро, и, кажется, будто прошёл километров тридцать по трущобам осинника...

Смотрю на луну с хорошо видимыми силуэтами «морей», вспоминаю наши странствия с братом Володей по тугайным дорогам Семиречья на телеге. Указав кнутом на огромное ночное светило над рощей туранги, он объяснял мне, что это Каин закалывает брата Авеля.

Смотрю на озёрную чашу в мёртвом лунном свете, напряжённо слушаю, как в ельниках Солгоры снова своими котелками и ложками позванивает бродяга, возможно, совершивший не одно каиново злодейство... Всё же начинаю догадываться, в чём дело, кладу нож под сапоги в изголовке.

Вот так, слушаю звуки ночные, которые доносятся с дальней зверовой тропы, а рядом, в лесной юдоли, – на гнезде сидит курочка-ряба (рябка), и ведь совсем рядом сидит, каких-то двадцать-тридцать шагов, эта самая рябка, рябчиха, под укрытием густой хвои низкорослой ёлочки, яйца парит в гнезде, устроенном в выемке обомшелого толстого пня. При этом ощущаешь, что ты и сам часть природы, как рябчиха, или как тот зайчишка вчера на просеке, рассекающей еловые пехняги. Я его вспугнул, и он побежал, да только не от меня, а ко мне, поэтому я, было, наступил на него; но и, увернувшись от моего сапога, он не скрылся в еловых пехнях, ещё и с остановками, бежал, дурашка. А ведь другой бы на моём месте, какой-нибудь работник лесоповала, догнал бы и пинком ноги до смерти забил бы этого зайчишку.

⁴ Ф.И. Чуев. «Молотов: Полудержавный властелин». – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Сколько всего было в эти дни! Какие-то четыре дня и три ночи, а будто уже месяц живу в лесу. Сплю не больше четырёх-пяти часов в сутки, усталость даёт о себе знать, а в деревню возвращаться не тороплюсь... И эта лунная ночь, и дальние холмы с матёрым лесом, встающие над озером горами – ещё один подарок судьбы.

«Как погляжу на тебя, – сказал мне однажды Петрович, с которым мы исходили приречные леса Оштинской долины, – половина твоей жизни борьба с природой...» Не совсем так. Конечно, жизнь в лесу, как и в городе – тоже борьба за существование. Праздно не полежишь на хвое под елью. Отчаянное выживание, но есть и минуты радости – минуты гармонии с природой, ставшей большой редкостью в так называемом цивилизованном обществе, куда нас упорно влекут «успешные» менеджеры-правители... И нет никакого Каина, хотя я хорошо слышал металлические звуки, никакой там не Каин, не бродяга, а всего лишь лось, бредущий вековечной тропой в ельниках вокруг озёрка, задевающий рогами мёртвые сухие нижние сучья елей, оттого, словно бы металлические звуки...

Разбудили журавли, ночевавшие на просторных мхах к югу от озера; здесь же, проголодавшись за ночь, всё утро охотились: подбирали и глотали окоченевших от неожиданного утренника лягушек и моховых ящериц...

Выходит, не так уж и плохо я устроился в этом мире: проснувшись, слушаю переливчатое, невоспроизводимое человеческим голосом, наполняющее душу радостью, журавлиное отголосье.

ТРОПЫ РОКОВЫЕ, ЗАТЕСИ В ПЕХНЯГАХ

1

Спешу выйти к озерку у Солгоры до того, как совершенно исчезнет тусклое светило, похожее на красное пятно погасающего деревенского фонаря, заправленного плохой соляжкой, погасающее, но ещё видимое в чащобах осин.

Торопись, путник, да по сторонам посматривай! Навстречу идёт медведица, она что-то вынюхивает на тропе, от неё не отстаёт медвежонок. И куда бежать? С рюкзаком-то, с полной ношей... Отступаю, стараюсь увеличить расстояние, сделать его безопасным... Медвежонок, верно, первый заметил незнакомое существо, остановился, поднялся на задние ноги, разглядывая меня, силится приподняться над кустиками подлеска и стеблями травы. И медведица встала, слышу, как она втягивает в себя воздух и с шумом выдыхает его, что-то бормочет. Возможно, это было рычание зверя, но мне слышалось, будто медведица, как деревенская старуха Дунаиха бормочет. Странно, что я в тот момент даже не советы и предостережения Авдеева вспомнил («Матку с детищем остерегайся – съисть...»), а старуху Дунаиху, которая постоянно бормочет проклятия в адрес своих соседей – питерских обывателей, обосновавшихся в деревне.

Увидев, что медведи стоят на месте, и я прекратил отступление, остановился, любуюсь игрой мышц, тусклым блеском рыжей шерсти.

Сильно ли испугался – не баба оштинская с отроком, медведица с медвежонком?! Отвечу так: я был поглощён наблюдением, впервые в жизни близко видел зверя. И не в клетке зоопарка, а в естественной его среде... Сказать, что не ведал

страха, не могу, и понимал же, что надо как-то обезопасить себя от нападения медведицы, конечно же, видевшей во мне угрозу её дитяти. Во рту стало сухо, страх гнезвился где-то в подкорке, но в то же время хотелось наблюдать за поведением зверей до тех пор, пока они сами что-то не предпримут со своей стороны. Не стал искушать судьбу; медленно поднял вверх пилу-лучковку, на которую обычно опираюсь, как на посох, прохрипел слова: «Я сильнее тебя, зверина, я больше тебя! Уходи по-доброму...» Медведи в какое-то мгновение, – даже треск и шороха не услышал, – исчезли в еловых пехнях. Постояв минуту, осторожно двинулся по тропе, поглядывая по сторонам.

Эта встреча с медведями случилась примерно там же, где я несколько лет назад впервые увидел медвежонок. Вышел на просеку из трущобистого ельника, а медвежонок в тот момент проворно вскарабкался на высоченную мачтовую сосну и раскачивался на ней в своё удовольствие. Но, вероятно, заметил меня, быстро спустился на землю и бесшумно исчез среди сосновых лесопосадок. Хорошо слышал, как его когти при спуске драли древесину. Может, тот давешний медвежонок и стал матёрым зверем, у которого уже есть потомство. Вот какая замечательная тропа: медведи – пожалуйста, а вот незнакомых людей никогда не встречаю. У Авдеева же на это другое мнение: «Удача, что детище тебя не стало за штаны тереть. А то бы мы с тобой не беседовали... Нынче пожалела тебя матка, в другой раз обязательно съест. Или стопчет. В другой раз без разговоров уступай дорогу. Лучше бросай рюкзак, уходи, куда знаешь. Только не беги, этого не делай никогда...»

2

Что медведи! Мрак сгущается, ночь наступает, лес кругом незнакомый... А мне надо выйти на берег озера, где собираюсь устроить ночлег. И дождь зарядил, частый, противный... Уже два-три часа не переставая сеет. Неизвестно, что ждёт меня впереди...

В путевых очерках многолетней давности я рассказывал, что мне приходилось (и не однажды) останавливаться на ночёвку там, где застигали сумерки. В пустынях это случалось часто. Но я не тужил: среди песчаной пустыни Муюнкун расположиться можно на склоне любого бархана (только, пожалуйста, подальше от накатанных вездеходами дорог) – всюду сухой чистый песок, хранящий иногда и до полуночи тепло минувшего дня. И всюду находил какое-либо топливо, надо сказать, калорийное топливо – гребенчук, жузгун. Саксаул, конечно, а как же, хотя и не везде.

И в лесах Северо-Запада устраиваюсь, с некоторым комфортом даже. Например, можно отлично устроиться на ночь в первобытно-матёром лесу на краю мха у Солгоры, куда я путь держу, где есть всё, необходимое для обитания не только зверя, но и даже и человека: и смолевые сушины, и валежины всякие, а растопка – стоит только протянуть руку. Ну а пока вокруг лес нехоженный.

Да вот ещё эта скверная привычка ходить лесной тропой и ночью. Мои хозяйки, жена и дочь, всякий раз строго наказывают, чтобы я в деревню возвращался засветло. Эту привычку также порицает Авдеев. Должен сказать и такое дело. Оказавшись в лесу впервые в жизни (а это случилось, когда я уже отслужил на флоте), я вспомнил повести и рассказы про партизан. Признаться, сомневался, что в лесу или в тайге отряд народных мстителей может ночью перемещаться

Пусть даже и с проводником. Думал, это просто литературные допущения. Ну а теперь, что ж... Бывает, припозднишься в лесу по какой-либо причине, а – идёшь, пусть теряя остатки сил, бредёшь, выстукивая осиновым или берёзовым батошкой канавку вековой Урозерской тропы, которую поколения вытегоров торили сотни лет. При этом, конечно, поглядываю на светящиеся точки компаса. Чуткая нога и мой посох, истинно зрячий посох (а без оногo я давно не хожу), непременно нащупают канавку тропы, даже и в ночь-полночь нащупают. Ну а сбился с тропы во тьме кромешной августовской или осенней ночи, – не беда – в лесу же и останусь до утра, а лес – мне дом родной. Другое дело, если на Вытегорщине лесов совсем не останется, а похоже, к этому дело идёт...

3

Всё же здорово, что за двадцать лет я натоптал несколько троп – веером они расходятся из деревни в сторону ленинградских озёр. Но не пора ли подробнее рассказать о том, что собой представляют лесные стёжки-дорожки, по которым я странствую.

По одной из них я хожу к ягодному мху, по другой – ловить щук, третья ведёт к необитаемому окупёвому озеру... Бывает и так, что одна и та же тропа ведёт и к ягодным полянам, и к заветному, необитаемому озеру. Такая тропа-кормилица с тесками-затесьями есть у меня.

В моих тропах нет ничего общего с тем, что мы видим в пригородных лесах Ленинградской области. Идёшь по осиновому чащобнику или ельнику, высматриваешь редкие засечки на деревьях – вот и тропа. Стало быть, я тоже, как некоторые местные жители, попросту говоря, стёсываю топором или ножом кору, и, такими-то вот клеймами обозначаю, путь следования к озеру или ягодному мху в лесной глуши. И ни один уважающий себя промысловик-охотник (или грибник-ягодник) не может обходиться без хорошо налаженной тропы. Разумеется, каждый лешак-лесовик, вроде меня, знает свои тески, они сохраняются годами.... Это как почерк человека.

Бывает, точно знаю, что можно спрямить путь, допустим, к щучьему Ясень-озеру или к Солгоре с ягодным мхом и озерком, где всегда наловишь окуней. Иногда и спрямляю. Но, в конце концов, возвращаюсь на старинную крестьянскую дорогу позапрошлого века, на фронтную дорогу, на старинный волок, которые тоже помечены тесками.

Но сейчас вокруг осинник непролазный на воровской вырубке, где несколько лет назад рокотали мачтовые сосны... Хилое осиновое жердовье, и ни одного теска!

4

Багровое закатное светило в последний раз проглянуло сквозь тучи и чащобы, вижу только алое пятно, и этот единственный мой пространственный ориентир может вот-вот исчезнуть.

Темнеет буквально каждую минуту, я тороплюсь, забываю об осторожности, падаю. Корпус компаса, повреждённый много лет назад, возможно, ещё на берегах Или, обёрнутый лейкопластырем, просто развалился на части. Пытаюсь овладеть ситуацией: убрал стекло и осторожно пошёл вперёд, поглядывая на компас, лежавший на мокрой ладони, то есть на то, что осталось от прибора. Иду,

сдерживая дыхание, словно опасаясь, что дыханием своим могу сдуть стрелку, ничем не защищённую, свободно вращающуюся на игле.

Также поглядываю на едва видимое, погасающее солнце, все ещё румяным пятнышком проступающее сквозь тучи и частый осинник. Вдруг споткнулся, каким-то чудом удержался, но стрелка слетела с иглы, исчезла в густой траве. В то же мгновение и я повалился на землю и, мокрый от пота и дождя, лёжа на холодной земле, перебираю былинки и листья – пытаюсь найти иголку в стогу!

И – нашёл, двинулся вперёд, глядя на пластмассовый кружочек с хаотически колеблемой стрелкой, которая может в любую секунду слететь чёрной пчёлкой.

И – слетела же!

«Это конец!...» – нацарапано в походном блокноте тупым карандашом. Теперь это мне кажется малодушием. Но в ту минуту, когда исчезло румяное пятнышко зари, я стоял в сумраке надвинувшейся ночи, в гиблом осиннике, где не было, и быть не могло ни смолистых сосновых сушин, ни еловых выворотней, ни толстых валежин. Не было ничего такого, что позволило бы развести жаркий огонь, чтобы согреться и высушить одежду, и чтобы потом возле него, если не спать, то хотя бы подрёмывать, дожидаясь рассеивания мглы, когда ближайшее дерево можно различить в двух-трёх шагах, и нижние сучья не так уж и опасны.

Между тем ещё какое-то время шёл, понимая, что без ориентиров, без компаса, нет мне дороги к шалашу у Солгоры. Я заставлял себя остановиться. Я был с ног до головы мокрый, сухой нитки на мне не было, одежда уже не грела, а только холодила, надо было попытаться развести огонь в мокром осиннике, используя для топлива, пусть и не жаркое, осиновое чадающее жердовье. (Известно же: осина не горит без керосина...). Но, влекомый непостижимой инерцией движения, шёл и шёл вопреки правил науки выживания в экстремальных лесных условиях, какая-то сила толкала меня... Не трудно было предположить, что в таких условиях вряд ли выйду к заветному озерку. Ибо известно – путник в лесу никогда не удержит необходимого направления в сумерках. Да хотя бы и днём, если нет компаса, тучами всё небо заволочло, и солнца не видно.

Тащился, сознавая, что нога, возможно, предательски уводит меня сторону от Солгоры...

...Вдруг осинник вырубки поредел, расступился, и я прямо перед собой увидел... Нет, не избушку, и даже не шалаш, а – тонкую берёзку с едва заметным теском.

Погладил ствол берёзки, убедился, что действительно тесок, нет, не померещилось, как это бывает с путником в такие роковые минуты блужданий по лесу или по вырубкам.. Иду, напряжённо разглядывая и деревца, и стволы больших деревьев тоже. И вот осина с теском! А, кроме того, разглядел примятую траву. Не знаю, почему я решил, что примятая трава ведёт к урочищу у Солгоры; примять её мог и зверь, и даже выводок глухарей, теперь птенцы размером с добрую курицу, только ещё плохо летают. А тропы глухариних выводков и зверя не всегда совпадают с человеческой тропой (хотя иногда и совпадают). Впрочем, в тот момент я себе подобных вопросов не задавал. Просто шёл – медленно, осторожно, словно опасаясь угодить в медвежий капкан, наступить на противопехотную мину времён Великой Отечественной войны.

Деревца с тесками стали повторяться, и это убеждало меня, что на этот раз не ошибаюсь, что скоро выйду к шалашу с растопкой, с чурбаками для костра.

Пусть и не избушка, а всего лишь только шалаш, крытый еловой корой; заячий шалашик, по словам Авдеева, но крыша над головой.

Теперь главное – не торопиться, легко же сбиться в сумерках, потерять тропу, которую здесь мне, видит Бог, помогает натаптывать лесное зверьё...

Но тут надо кое-что пояснить читателю. Известно, зверь охотно использует участки тропы, торённые человеком. Зверь даже иногда делает повороты, если тропа уходит в сторону под углом. То есть не спрямляет её, что обычно свойственно зверю. Объяснение простое: медведь (лось, дикий кабан), не чувствующий опасности, ходит там, где меньше препятствий. Что же удобнее человеческой тропы? Разумеется, – зверовая, но опять же – по колее заброшенной лесной дороги торёная. Получается, что человек и зверь взаимодействуют в лесу иногда довольно-таки успешно.

Всякая лесная тропа – свидетельство деятельности бывших до нас людей. Я, например, пользуюсь колеями старинных крестьянских дорог, они тоже оказываются подходящими для устройства лесной тропы. Все ягодные мхи и лесные озёра, даже если к ним не ведут дороги, тем не менее соединены более или менее различимыми тропами. В одном случае это чищенные тропы (тески различаются, нижние ветви на стволах деревьев подрублены), а в другом – почти непроходимы, например, там, где вырубки, которые оставили ненавистные Авдееву буржуины, где тропы, хотя бы и обозначенные на картах (и даже высвечивающиеся на экранчиках «навигаторов»), совершенно непроходимы. И хорошо, что я за эти годы натоптал несколько троп! Может, самое лучшее, что я сделал за эти годы рыночных реформ и прозябаний – так это то, что натоптал, наладил тропы. Повторяю, ни один уважающий себя промысловик-охотник (грибник-ягодник) не может обходиться без налаженной тропы. Скажу более того: если у тебя читатель, нет торной тропы к необитаемому дальнему озеру, к заветному ягодному мху, то лучше и в лес не ходи! Гуляй себе по тропинкам вокруг деревни или дачного посёлка, собирай подберёзовики, моховики и тому подобные поганики... (Между прочим, в Оште до недавнего времени и чёрные грузди, и даже лисички считались поганиками). А коли нету тропы – ковырай земельку на своём участке, выхаживай лук-чеснок, пока тебя ещё не выжила какая-нибудь богатая богатина...

...Смелее шагаю по тропе, угадывая знакомые приметы бора у Солгоры: вот лежит огромная, в два обхвата осина, не одно десятилетие гниёт и преет, потому и вижу отлично в сумерках её высокий пенёк с двухметровыми «щепицами», тусклым светом тлеющими во мраке, видимые ночью именно вследствие тления и гниения. А далее – ель с огромным теском, его и ночью можно увидеть с двух-трёх шагов. Отличные приметы живого урочища у Солгоры. И самая надёжная примета, вековечная – камень кубической формы, разрисованный иероглифами лишайника, сверху мхом заросший. В густых сумерках он медведем выступает из трупобного мрака. Возможно, в далёкую, дохристианскую эпоху, этот камень был местом поклонения древних жителей Вытегорщины... Да неужто кончилась вырубка с осинниками и хилыми березняками?! Неужто я на краю бора у Солгоры, которого ещё не коснулась мертвящая рука капитала?! Через полчаса буду у шалаша. Хотя понимаю: и полчаса могут показаться вечностью; успокаиваю себя тем, что сбиться тут никак невозможно. По правую руку еловые посадки советского леспромхоза, они через полвека превратятся в лесные экосистемы, правда, отдалённо напоминающие еловые боры. Если, конечно, не попадут в за-

гребущие лапы арендаторов... По левую же руку – мокрая корба, топь с ивняком, с мокрыми мхами и пригнетённым уродливым березнячком.

В мало хоженном, местами совершенном незнакомом мне лесу, я стремился выйти на свою тропу, – и вот она, родная, и в густых сумерках безлунной, дождливой августовской ночи её узнаю, не спутаю ни с какой другой...

Чувство радости, ощущение победы испытал я, когда вошёл в дикий еловый бор и увидел толстую валежную ель, преграждающую мне путь: преогромный выворотень её чернеет на краю топкого мха, вершина же скрывается в густом непролазном ельнике. Такое препятствие и днём не обойти. Останавливаюсь, сажусь верхом на валежину, чтобы отдохнуть, прийти в себя после перехода по заболоченным ельникам да по трущобным вырубкам, сбросить нервное напряжение. Сто-двести шагов отделяют меня от того места, где буду наслаждаться теплом божественного огня.

Но я не тороплюсь, даже расстегнул ляжки рюкзака. Иногда доносятся звуки и шорохи лесных обитателей, предпочитающих бодрствовать ночью. Не только тело, но и душа отдыхает! Нет места на земле безопаснее этого матёрого бора, погружённого во мрак мокрой ночи. Ни бандитов здесь, ни наркоманов. И даже для сотрудников спецслужб, надзирающих за активистами оппозиции, за русскими патриотами, я здесь недосягаем.

Не ведал, как добраться сюда, а вот – живу!

ЗВЕЗДА БОГОРОДИЧНАЯ

1

...Вот и осенины богородичные, однако день сухой, тёплый, до заката собирал ягоду, уж так хотелось набрать кошель яркой, крупной клюквы, нигде нет такой крупной клюквы, как на Царском мху. Если не считать заболоченных закрайков Петунией Грязи, но туда я давно не ходок. Паша выучился на штурмана, плавает на ракетноносце. Разумеется, я бы теперь и без него нашёл дорогу на Петунию Грязь, но там даже и корбовые сосняки и ельники до последнего дерева высекли «лесопромышленники»...

Хочется уже сегодня побольше набрать ягоды, а завтра – кто ж его знает – вдруг дождь зарядит, нет ничего хуже собирать ягоду по дождю, хотя бы и клюкву. И когда одолевала усталость, разводил костерок.

Истинное удовольствие – пить чай в боровине с беломошинами на краю ягодного мха, под прикрытием хороводных, полукругом стоящих молодых елей с густым лапником до самой земли. Тут же, на краю болота, небольшая копань (прудок), где можно набрать свежей воды для чая. У меня к этому урочищу с таким странным названием, мало соответствующим кривым берёзкам по мшистой равнине (обычно они ржавчато-рыжие, но ближе к вечеру вызолотились) необъяснимое влечение. Вокруг верхового болота – ельники, гривки с беломошинами и соснами, а посреди – веретья-островины с елью и сосной. Сюда ещё не дотянулась загребущая рука лесоистребителя. С северо-востока к верховому болоту примыкают хвойные лесопосадки советского времени, чистые березняки перемежаются еловыми и сосновыми массивами. А то ещё вот по краю болота и пехняги – тесные еловые чащобы, надёжное укрытие для зверя.

Кое-где и небранные (по слову вытегора Авдеева) еловые и сосновые боры шумят и рокочут, их оставили в целях природоохранных, для воспроизводства лесных богатств. Понятно, когда-то оставили, теперь-то уж ничего не оставляют... Даже в глухой глубинке таёжных районов, где лес нарезали под массовую вырубку, тем не менее оставляли куртины и даже внушительные компактные массивы в качестве водоохранных. Люди минувшего века хорошо понимали, что леса Северо-Запада – места, откуда вытекают реки, питающие и Онегу, и Свирь и Ладогу, конечно.

Целый день собирал клюкву. Солнышко пригревало, но и не жаркий был день. Гребки да гребки ягоду и ни о чём не думай. А устал – садись на пень, посиживай, пока не надоест. И ни оводов, ни жутких лесных комаров, от которых, по словам Авдеева, психом можно стать. Даже нет докучливых лосиных блох, обычных для этой поры. Верно, утренники их пригнетили, инея придавила (Авдеев сказал бы, окажись он рядом). Вот и присел на пень, смотрю, как над кочками, при малейшем колебании воздуха, всплывают прозрачные зеленовато-жёлтые облачка – развеваются споры мха.

Отдохнув, снова принимаюсь за работу. Решил не уходить с ягодных полей, пока не наберу полный кошель. Где ночевать, не думаю. Хотя ночи холодные, крепкие утренники мхи инеем покрывают. И хочется, а не получается сегодня вернуться в деревню.

2

Огонь развёл в половине девятого, раскопегарив железную печуру в дощатой будочке на Лемозерской просеке. Изрядно припозднился на ягодных полянах, притомился, сделав, может, не одну тысячу поклонов Природе-матушке, вот и решил на краю Царского мха заночевать. Правда, не под открытым небом, как это иногда со мной случается, а в этом лесном вертепе, – его полвека назад устроили лесоводы, трудившиеся на расчистке леспромхозовских лесосек, предназначенных для посадки елей и сосен.

Проветрив помещение, просушив его теплом, прикрыл дверь.

В избушке темно, а коптилку (флакон с соляжкой да тряпичный фитилёк) погасил, берегу горячее. Без коптилки – ну, хоть караул кричи; осенью в лесу уже в восемь темно. Даже такое простое дело, как вынуть вещи из рюкзака, разложить их на столе, развесить на гвоздях – и то неспособно без освещения. Не просто стелиться-укладываться в темьях. Почему-то все мои фонарики хорошо светят при покупке и в деревне, однако же оказываются непригодными в лесу. Авдеев считает, что они просто не выдерживают условий, в которых я оказываюсь во время странствий по лесным тущобам. «У тебя и металлический браслет часов развалился», – заметил он, когда я в очередной раз пожаловался, что фонарик меня опять подвёл. Ну а коли коптилка не коптит, дверцу печурки держу открытой. Управляюсь, пользуясь светом печного пламени, готовлю лежбище.

...Словно карельский водопад шумит осенний лес, трещат поленья в печи, шипят грибы на берёзовых прутьях, уложенных на печурку. Немного насшибал красноголовых подосиновиков по гривам вокруг Царского мха, по сосновым веретьям (островинам) среди мхов.

Намостив на жердевом лежаке сухих стеблей иван-чая, соорудив изголовок из расколотого пополам толстого чурбака и сапог, набитых мхом, с наслаждением

вытягиваюсь на лежбище. Дверь будочки вновь приоткрыта, в проём вижу яркую звезду, проглядывающую сквозь лапник тёмных елей. Она искрится, вонзает во мрак ночного бора длинные лучи, и мне становится как-то не по себе. Я, лесовик-бродяга, не однажды ночевавший осенью в этой будке, неделями живущий в шалаше, сквозящем на Ясень-озере, почему-то сейчас испытываю ощущение какой-то первобытной жути. Никогда не видел столь удивительной, искристой звезды, возможно, распавшейся, миллионы, а то и миллиарды лет назад распавшейся в космическую пыль. Учёные утверждают, что мы иногда видим свет давно погасших звёзд.

Слышу крик журавлей – на гладких моховищах Царского болота на ночь обособались. Беру со стола блокнот и карандаш, чтобы записать, о чём думалось.

Между тем, звезда разгорается, своими блескучими иглами словно прожигает густой лапник елей. Но, может, это и не звезда, а какой-нибудь вражий космический объект завис над моей Родиной, телеспутник, облучающий нас чёрной неправдой, злобу сеющий среди народов когда-то великой страны...

Устроился в лесном убежище, а не идёт сон. Крики птиц мешают спать, пробуждают далёкое, лежу, охваченный воспоминаниями молодости, ушедшей, истраченной на скитания по сухим песчаным руслам узбоев и барханам, по рекам Семиречья. А может, очарован, загипнотизирован блеском звезды? Нет сна, ну, ни в одном глазу нет...

Да, так бывает: приютишься в лесном убежище, – в избушке или под кровлей шалаша на берегу лесного озера, – и нет никакой лучистой звезды, а только слышны крики гусей на перелёте да ровный шум дождя, а всё равно не уснуть... Наверное, потому что радостно и покойно душе бродяжкой... Счастливые минуты и часы бессонницы в лесу!

Но нынче сна лишают предстоящие труды. Я так и не решил: собирать ли клюкву по мхам Царского болота или перейти на Урозерский мох? Опять же, – где ночевать, если не смогу завтра вернуться в деревню: в избушке на берегу Урозера или в этом вертепе? Или вовсе не надо обременяться клюквой, набрал ношу – кошель отборной ягоды стоит под елью. В другой раз можно прийти сюда за клюквой, если покажется мало...

Томимый размышлениями и воспоминаниями, засыпаю, а просыпаюсь в четиры. Дрова в печурке прогорели – и проснулся. Поленьев в запасе не оказалось, поэтому пришлось запихивать в печурку толстый еловый чурбак, лежавший в изголовье. После чего не сразу же заснул. Тем не менее, в семь уже был на ногах. На просеке, и даже в глубине ельника, где ночью зловеще лучилась и сияла загадочная звезда, было светло. Мало спал, а вроде как выспался. В лесу я вообще ложусь поздно, во втором часу ночи, а то и после двух. Раньше – ну, никак не управиться.

3

На северный закраек Урозерского мха вышел примерно в полдень. Но к делу приступил не сразу. По дождю шёл, без плёночного фартука, вода по штанинам ручьём текла, да ещё и при заходе на болото зачерпнул в сапоги, уж как водится... «Не сахарный», – решил было сторяча и принялся собирать клюкву. Но скоро энтузиазм пропал. На тропе согревался движением, а тут ноги занемели от холода, не до ягоды.

Вчера было сухо, тепло, а нынче откуда-то приволоклись тучи, зарядил дождь, – мелкий, холодный, противный. Теперь и ряды – мокрый снег вперемешку с дождём, а то и крупа сыпанёт. Осенины, и Воздвижение не за горами.

Нарубил кривых берёзок, навыворачивал кручёного кособолонного сухостоя, выложил помост для костра, развёл огонь... Кругом болотная хлябь, мокрый снег временами валит, а я наслаждаюсь теплом жаркого смолевого костра. На кольях у огня провеваются портки, портянки, рубашка... Сапоги тоже сушатся на кольях. Сажу на огромной колоде у огня в трусах, в свитере, надетом на голое тело. А поверх – куртка, пусть даже и мокрая, ткань влагой напиталась, да ведь защищает от ветра. Развешенная одежда просыхает прямо на глазах. Обсушив ступни у огня, натянул толстые шерстяные носки. Ногам сухо и тепло, костёр жаркий горит – и душе веселее.

Пью кофе, поглядываю на угольно-чёрную тучу, захватывающую тёмно-фиолетовыми крыльями и ягодный мох, и всё пространство над урозерскими прибрежными лесами. Всё вокруг помрачается, но вдруг солнце проглянуло, ударил снежный заряд. Ближайший еловый бор исчез в белой мгле, а порыжелые мхи затянуло белым покровом. Снег валит, тут же и тает: подо мхами хранятся летние запасы тепла торфяника. Нет, сейчас мне снег не помеха. Особенно если вот так, у костра, в котором пылает смольё.

Развести жаркий огонь на болоте, даже на мокром болоте, не так уж и трудно, как это думают дачники и городские обыватели. Даже, может, и проще, чем в чаще берёзового молодняка или в осинниках на месте вырубок, в хвойных посадках. На болоте, известно, всегда есть и толстые сушины, и смолевое жердовьё. Другое дело – набрать полкотелка хорошей воды, когда глазник или ручевина – на другом конце Урозерского болота. Пришлось воду добывать с помощью каблука: примял сапогом мох между кочками, да и набрал из моховой лунки воды. Понятно, перед тем, как вскипятить её, пришлось профильтровать через бинт походной аптечки.

Пригрелся, люблюсь чистой бирюзой в прорехах облаков, слушаю токованье молодых тетеревов, ручьём разливается их бормотанье. (Петушки сидят на деревьях по краю верхового болота, балаболы, токовище устроили). Ну, это, как сказал бы Авдеев, ложный осенний ток.

Хорошо-то хорошо, а кто же будет клюкву собирать?! Осенний день недолог, Рождество Богородицы, осенины богородичные...

4

В будку на просеке вернулся только в девятом часу вечера. А мгла навалилась раньше, да ещё мелкий дождь частил... В этом, чудом сохранившемся еловом урмане и ясными июльскими вечерами дико и мрачно, бывает идёшь – вдруг зверь из чащобы выступает, а присмотришься – древний пень замшелый; тут и там колоды огромных осин преют. Подходящие места для партизанского схрона. Ну, разумеется, современные вырубки (по-авдеевски – воровские) с поваленными и неубранными деревьями, штабелями гниющего и почему-то брошенного леса, с непроходимыми завалами из комлевых обрубок в два обхвата, преющих сучьев и хлыстов вековых деревьев – самое лучшее место для партизанских схронов. Воскресни Че Гевара, он бы, верно, по достоинству оценил вырубки Вытегорщины. Собственно, вся лесная Вытегорщина превратилась в сплошную воровскую вырубку.

Хотел немного обсушиться в будке на просеке и сразу же уйти в деревню. Но густые сумерки наступили как-то слишком быстро, и дождь припустил, а в теми ночной только тати бродят, по слову Авдеева. Вот и остался, вторая ночёвка в лесу.

...Недоброе шумят деревья, а в убежище помигивает соляровая коптилка, гудит пламя в печурке, на жёрдочках сушится одежда. Утром, перед тем, как идти на Урозерское болото, не поленился натюкать топором дров. Может, на всю ночь хватит топлива...

Конечно, в тесной дощатой будочке не так удобно и просторно, как в избушке на берегу Урозера, срубленной сорок лет назад из великолепной рудовой сосны. Теперь таких избушек не рубят. И здесь нет (как в той избушке) ни матраса, ни полатей из досок, ни кирпичной печки нет с обогревателем-щитом и задвижкой на трубе. Но я притопал к этому убогому пристанищу, чтобы здесь заночевать. Никак не мог не вернуться сюда, я ведь не взял с собой на Урозерское болото кошель с ягодой, здесь его оставил. К тому же отсюда до деревни путь короче. Пусть на полтора-два километра, а всё же короче, чем с Урозера. Даже и километр что-то значит, если тропа буреломами, вырубками да мхами. Случалось, тяжёлая ноша на лесной тропе так вымотает, что, сделав привал на берегу Ошты, в километре от деревни, утолив жажду чистой, как слеза речной водой, в приречных чащобах оставлял рюкзак с ягодой, а домой возвращался налегке. Идёшь бодро к избе, постукивая батошкой, деревенские обыватели и питерские дачники с удивлением смотрят из окошек. Им в диковинку видеть моё возвращение в деревню без ноши. За рюкзаком же еду на машине утром. К чему торопиться, если в рюкзаке не жуки в мох и папоротник упакованы, если там одна только клюква. Разве медведишко полюбопытствует. Был случай, когда зверь распотрошил кошель с ягодой. Поэтому я к стволу дерева над рюкзаком приматываю футболку или рубашку, полагая, что одежда, пропитанная копотью лесного костра, смрадом человеческого пота, отвратит зверя.

...Лес ревьёт, стонет, завывает, но я больше прислушиваюсь к звону капель, падающих с кровельных свесов в котелок. Ввалившись в избушку, поел брусники, полкотелка съел в охотку, и в горле першит от ягодной кислоты. Но разве утолишь жажду одной только ягодой, хотя бы и яркой брусникой, – выходился по болоту, весь потом изошёл. А чай грел всего лишь один раз за весь день. Ладно, наберётся вода, уж отведу душеньку, истомлённую жаждой.

Слышу, слышу удивлённый голос: «Как?! В лесу – и собирать дождевую воду?». А что делать? Расстояние до копани на краю Царского мха невелико, каких-то триста-четырееста метров, но туда нет натоптанной тропы. И куда пойдёшь: дождь, мрак, ближайшую ель из открытой двери не видно... Вот и приходится смекать.

В бору кто-то остервенело верещит и визжит, а то ещё и по-звериному рыкнет. Из мглы плотных слоистых облаков доносятся клики гусиной стаи, словно где-то собаки перелайваются. Становится грустно и тепло на душе. И сколько же было в моей жизни таких ночей в лесных дебрях, ревущих в непогоду...

Ещё некоторое время не смыкаю глаз, думаю о предстоящем возвращении с дикой ношей. Бывалые ходоки знают, что и неподъёмный груз в одиночку можно перемещать по тропе, разделив его на части. Но мне этот челночный приём транспортировки груза не нравится. Идёшь-бредёшь к деревне, а потом возвращаешься

Шаг вперёд – два шага назад... Но если всё разом тащить: «таймыр» с клюквой, и берестяной кошель, то на каждой встречной-поперечной валежине придётся посидеть. В таких случаях на привалы затрачивается примерно столько же времени, сколько и на ходьбу по тропе.

А не пришлось бы завтра делить и перетаскивать ношу по частям!

Вспоминаю давешнюю лучистую звезду. Вроде как знак был. Старые лесники, среди них всё тот же Авдеев, убеждали меня, что бесполезно идти даже и на Урозерский мох – только ноги зря трудить. Неурожайный нынче год.

А я «таймыр» под завязку нахряпал. Да ещё и кошель. Хотя, как и вчера, почти целый день по яголке, по горсточке собирал. Не один километр накрутил по мхам, где не всегда под ногой упругая мшага. Смирился, что вернусь домой с кошелом, значит, с малой ношей.

Переместившись с моховой глади на топкий край болота, поглядывал во мрак просеки, рассекавшей ельник. Тревога торопила: пора, пора возвращаться к будке, не по твёрдой тропе идти, местами ветровалы обходить. И уж двинулся было к просеке и вдруг увидел медвежий навоз, причём, совершенно свежий, куча дымилась. Я оторопел. Нет, не зверя испугался, пусть лучше он меня боится. В медвежьей куче было много крупной клюквы – вот что меня поразило. Бегал по болоту, горьковатую мелочь собирал, а где-то рядом, оказывается, отличные ягодные кочки.

Медвежьи следы вели в самый мокрый угол ягодного мха, отгороженный густым болотным ивняком. Ягодники в такие закрайки не любят заглядывать, я не исключение. Ивняк на болоте – верный признак топи непроходимой, гиблое место, гляди в оба!

Но на этот раз ни раздумий, ни сомнений. Ринулся сквозь плотный кустарник, и чуть было без сапог не остался. Выбрался на твёрдый мох, осматриваюсь. Понятно, это только так говорится – твёрдый мох; оказался среди высоких кочек, между которыми тускло отсвечивала на вид маслянистая торфяная вода. Тут и ахнул, даже присел на валежину – все кочки обсыпаны крупной спелой ягодой. Счастливая лесная находка в неурожайный год.

* * *

Авдеев, прознавший, что я перед отъездом в город приволок дикую ношу, сказал с некоторой горчинкой в голосе: «Мы вот нынче, верно, без ягоды будем зимогорить. А ты, парень, добычливый. Всё лето бродишь звериными тропами да погаными вырубками, нагладел ягоду. У нас на это, конечно, нет времени. У нас ведь так: утром в лес, ночевать – домой».

«Кабы не медведушко, – и мне бы не пить зимой целебный клюквенный морс, не угощать гостя рюмкой клюквашки», подумал я, но ничего не сказал, чтобы не смешить бывалого лесника.

Вытегоры, как и вообще жители лесных краёв, могут прилгнуть в своих охотничьих и лесных рассказах, но если они это заподозрят у питерского обывателя, – слушать не станут, на смех поднимут... Не стал рассказывать Авдееву и про чудную звезду. Таким пустякам вытегоры не придают значения, они и не разглядывают звёзды по ночам. В самом деле, какие ещё там звёзды в лесу? Одни только вершины да тёмные тучи над головой...

Всё же знак был, несомненно – добрый знак...

УБЕЖИЩЕ ЛЕСНОЕ СТРОИМ

(Дневник основателей живого урочища)

Начало работы в матёром бору

В ясный майский день мы с Петровичем пришли к Солгоре и приступили к устройству двух сквозящих шалашей (один против другого). С этого момента и началось строительство избки – лесного убежища.

12 мая. Пасмурно. Тянет юго-запад. Минувшая ночь была холодной, кочки покрыты инеем. Иней, а соловьи всю ночь били. Приходилось вставать, чтобы поправить чурбаки, просыпался, но выспался хорошо на этот раз. Не всякий раз отдохнёшь у костра под открытым небом.

Вчера проверили сеточку «китайку», которую поставили у берега среди коряг, выпутали пять больших окуней. А прудовая мережка пуста, хотя до этого в неё набивались сотни мелких окуньков.

На уху рыбы наловили, с хорошим настроением приступаем к разделке и обработке спиленных елей. Целый день корим брёвна. Я с толстых стволов осторожно снимаю кору целиком, а Петрович тонкие стволы и верхушечные части елей энергично обрабатывает своим плотницким топором, у него, конечно, дело быстрее подвигается. Копну коры настрогал. Мог бы и я ошкуривать брёвна топором или лопатой, но в этом случае материал неизбежно будет повреждаться. Потому аккуратно снимаю кору лопаточкой заострённого колышка, а иногда и самым простым способом – вклинивая пальцы между корой и заболонью⁵.

Разумеется, прежде надо разрубить кору по длине ствола и по окружности дерева, а края поддеть чем-либо острым. Весной, в период сокодвижения, она легко снимается, но и тут нужно умение. Мне случалось снимать куски коры с берёзовых и осиновых стволов, но по-настоящему это дело осваиваю теперь. Руки, конечно, в смоле, и вся одежда высмолена.

Большие, неповреждённые куски коры – ценный материал, часть его пойдёт на кровлю шалашей, а также и для устройства временной кровли над срубом, который мы намерены приспособить для жилья, не дожидаясь окончания строительства. Неизвестно, когда управимся, может, в этом году и не завершим начатое дело. Поставить сруб в диком бору, куда и тропы нет, – это только полдела, но как, например, устроить печурку?

15 мая. Утро тихое, пасмурно. Все эти дни заготавливаем лес: валим осины и ели. Брёвна с помощью верёвки волочим по зверовой тропе к месту, где решили ставить избку. Ну а сейчас Петрович рубит венцы, а я живцовой удочкой ловлю окуней для уха. Время ловли ограничено, поскольку ужение рыбы – увлекательное занятие, в то время как в диком бору много подсобной работы – территорию очищать от буреломного валежника, а также от сучьев и хлыстов нашего лесоповала, да и мастеру же надо иногда помогать. Опять же – кору снимать.

Вот почему я ни в коем случае не должен просто так смотреть на поплавок в ожидании клёва, размышляя об экологических и разнообразных мировых проблемах; больше двух-трёх минут не задерживаюсь на одном месте. Тут не клюет – иди дальше. Надо непременно наловить рыбы – тридцать-сорок окуней, уха

⁵ Заболонь – не отвердевшие слои древесины под корой.

должна быть вкусная, наваристая, при такой-то работе: лесоповал, строительство, уборка территории. Понятно, три-четыре десятка окуней в котелок можно только торчком поставить. Зато – и уха!

Ночевали, как обычно, у ногди из толстой смолевой сушины, которую свалили на болоте. Чурбаки толстые, пламя выбивало из-под верхнего чурбака по всей длине, дым и пар струёй во все стороны в тех местах, где выпрели и вывалились сучья, паровоз! Хотя и дымно-чадно, а грех жаловаться, топка «паровоза» хорошо грела. Удобно расположившись на свежей хвойной подстилке, растянувшись по обе стороны ногди, вели разговоры, которые сводились к одному: приходит ли народ к Солгоре, и как быстро узнают вытегоры про избушку в диком бору. И, пользуясь нашим убежищем, будут ли при этом соблюдать старинные лесные законы? Много всяких вопросов возникает у нас с Петровичем.

Мы обосновались в столь захламлённом лесу, что поначалу могли перемещаться только по зверовой тропе, поскольку всюду лежали громадные стволы елей и осин, обломки вершинника буреломных деревьев. Тут и мы добавили хмыза⁶, появились кучи ветвей, сучьев, лапника. Деревья для строительства валим прямо на буреломные валежины. При падении упругие сучья ломаются, разлетаются по сторонам, подобно миномётным осколкам. Один увесистый сук ударил в кровлю шалаша из коры и пробил её. Свободного пространства в бору так мало, что брёвна и после разделки остаются на валежинах или даже на кучах сучьев и лапника. Наведение порядка в бору – моя прямая обязанность. Поначалу мы вдвоём готовили площадку для изобки и строительных работ, но со вчерашнего дня Петрович рубит венцы, причём старается обходиться без моей помощи, сам ворочает брёвна. «Не отвлекайся, убирай хмыз, обустройвай заимку», – говорит он мне, когда я пытаюсь ему помогать. И прежде всего складываю в кучи лапник, еловые и осиновые сучья. Этот древесный хлам пригодится для устройства дымоходов, когда начнутся «казни египетские», когда комар, овод и прочий гнус будут мучить всякое теплокровное существо. А Петрович уже видит черничные и брусничные полянки на прогалинах, стёжки-дорожки, неизбежные вокруг жилого пространства в лесу, вокруг каждого шалаша (лесной избушки, стана). Это, конечно, мечты.

Но надо сказать, что собой представляет место, где мы решили строить изобку. С севера и запада к урочищу примыкает топкий кочкарник, мокрое моховое болото, простирающееся во все стороны от берегов озёрка. Вероятно, под этими мхами и торфяниками погребено целое озеро. Мхи пространные, но здесь нет кочек, богатых ягодой. А вот клюкву собираю. Положил удочку на мох, и собираю клюкву, даже брусничка кое-где краснеет. И вкусна же ягода-веснянка, нет ничего слаще!

С вологодской же (восточной) стороны – чащобы молодняка, густой осинник, тесные ряды еловых лесопосадок. С северо-востока возвышаются лесистые гривы, которые представляются нам настоящим урманом. Мы же приходим к Солгоре с вологодской стороны, мало-помалу набиваем, натаптываем тропу, придерживаясь линии редких, чуть приметных тесков на стволах деревьев по краю лесопосадок, в прогалинах осинников и ельников. Мой товарищ пеняет мне за то, что я тески ставлю, де, таким образом чужаков можно навести на наше заветное место с изобкой. Петрович ходит по тропам, которые я налаживаю каждый год, но при этом ставит мне всё это в укор – и тески, и налаженные тропы. И что с того, что тропа на Солгору вытегорам не ведома, даже Авдеевы её не знают? На-

6 Хмыз – хворост, мелкая поросль; здесь: сучья, валежник, лапник, древесный хлам.

род же сюда приходит (в чём я ещё не убедил Петровича, но сам-то я в этом не сомневаюсь) какими-то другими тропами со стороны Ленинградской области, с других направлений.

Да причём тески! Плот, избушка (а также бревенчатый стан, шалаш, землянка) – вот что привлекает на берег самого глухого лесного озера сельского жителя или хорошо осведомлённого горожанина. Разумеется, если на озере ловится рыба, а по берегам – водится боровая птица, бродит зверь.

Сегодня пасмурно, сухо; по небу плывут облака – и дождевые, и кучевые, облачно, но пока сухо. Ветер вроде бы стих, но сиверок по-прежнему ниже. Впрочем, для трудящегося в лесу прохладная погода не помеха. Особенно, если такая вот работа – кору с еловых стволов снимать большими корзями или сучья и лапник рубить и всё складывать в кучи.

Настроение самое превосходное. Только вот пальцы саднят, хотя и заклеены пластырем. Подушечки пальцев исколоты, растрескались так, что утром не мог взять в руки ни топор, ни лопату. Даже кочергу (деревянную клюку) трудно держать.

22 мая. Тихий прохладный янтарный майский вечер, доносится воркотанье ещё токующего вальдшнепа, – тянет краем леса вдоль мохового болота, как и положено ему. Но иногда вдруг прошумит верховой ветер, взъерошит свежую пахучую листву берёз, и сразу становится так хорошо: воздух наполнится густыми хмельными ароматами; особенно хорошо после дождя, когда солнце всё вокруг озарит светом, и лес блистает-сверкает листвой и хвоей. И тут и прошлое накатит с воспоминаниями о юности, о встречах с ненаглядной певуньей на берегу Карагил-узёка в низовьях Чу под сенью пахучей семиреченской ивы.

Вершины осин закудрявились, окрасились в охристые и розоватые тона, ветви берёз густо обрызганы нежно-зелёными каплями проклюнувшейся листвы.

Минувшей ночью я не мёрз, ни руки, ни плечи не коченели, как в предыдущую, поскольку сложил нодью из трёх чурбаков. Уютно было у такого ночного костра да под кровлей шалашика, крытого еловой корой. Правда, приходилось вставать с лежака, чтобы поправить костёр. Чурбаки толстые, смолевые, а под кровлю шалаша мало завихряется тепла, кровля слишком крутая, в вынос её над огнём небольшой, тепловые калории и уходят вверх, в небо, боженьку грею.

Желание построить изобку давно владела мною (а Петрович вообще не мыслит жизнь в лесу под открытым небом), но, конечно – я не в таком месте хотел видеть убежище, как этот бор у Солгоры, от которого до моего любимого Ясень-озера почти два километра, притом же по заболоченным ельникам да непрореженным лесопосадкам. Но я согласился с Петровичем (пусть и неохотно), поскольку ничего другого не мог предложить. Этот мрачный бор почему-то ему нравится, а к Ясень-озеру он совершенно равнодушен, хотя там даже глубинные щуки водятся, может и утятницы; глотают ли утят, не скажу, а видел, как среди выводка вывернулась щука с белым брюхом, такие вот щуки, а он дальше озера у Солгоры никуда не ходит. Впрочем, понять его можно: на Ясень-озере совершенно невозможно блесну метать, по берегу лес стеной, у берега топляки.

Я освоил некоторые приёмы выживания в лесу под открытым небом, даже что-то вроде лесной инструкции сочинил и опубликовал ничтожным тиражом, однако же, убежищами, пусть и жалкими дощатыми будками, внешне напоминающими

дачные нужники, никогда не пренебрегаю. Случалось, они меня крепко выручали, когда я оказывался в капкане, спасался тем, что лесные убежища оказывались в пределах досягаемости. Так однажды холодной осенней ночью я ввалился в трясину. Разводить огонь в ночных условиях в лесу, в незнакомом месте, дело не простое, и у меня не было уверенности, в том, что спички не намокли. Поэтому, выбравшись из болотины, я кое-как сориентировался по светящимся точкам компаса, вышел на ближайшую просеку с тропой, которая и привела меня к полусгнившей дощатой будке, сколоченный полвека назад лесоводами... По пути не поленился наломать еловых веточек, надрать полосок бересты. Короче говоря, лесная изобка – не для праздной жизни.

23 мая. Петрович ушёл в деревню. «За салом и хлебом смогаюсь», – неожиданно и, как всегда кратко, сообщил он мне и объявил задание: мох дёргать. И уж само собой – территорию приводить в порядок, пилить-кряжевать валежные деревья, складывать их в штабель. А то ведь не пройти, и зверовую тропу завалили. Ну и рыбы надо наловить.

Вчера ходили проверять изодранную «китайку» у берега среди коряг – ни глаза, ни чешуи! Но моего товарища это ничуть не огорчило. Он сказал: «Отлучусь в деревню, а ты за это время надёргаешь окуней. У тебя получается. Хотя всю жизнь ловишь рыбу примитивной удочкой, а как метать блесну не знаешь, ни разу не сподобился спиннингом ловить». Он и в самом деле уверен, что я при любой погоде могу наловить рыбы, он меня даже своему зятю и сыну ставит в пример. А между тем, не всегда окунь берёт наживку. Авдеев, пожалуй, прав: «Окунь рыба часовая: часом жадно хватает наживку, а часом не клюнет даже. Только подойдёт к крючку, понюхает – и в сторону».

Вот и сегодня что-то плоховато клюёт, можно сказать, совсем нет клёва, но мастер не поймёт меня, если я не смогу к его приходу наловить рыбы. Конечно же, надёргаю окуней на ущицу, как не надёргать, если в запасе у меня свежие черви. Выковыряв сучком первого червяка в еловом бору, я обрадовался, готов был кататься от радости на черничной полянке. А до этого ловил рыбу на смердящих червей, околевших от ночного холода в консервной банке, от того и протухших. Оплошность очевидная – не досмотрел, надо было банку с червями на ночь в мох зарыть. На старом нашем становище (на той стороне озера) накопал червей, целых пять штук. Когда есть клёв, то и этого достаточно.

24 мая. По-прежнему ноют, исколотые сучками и окунёвыми плавниками пальцы. Хотя два-три раза на дню мою руки с мылом; кусок хозяйственного мыла лежит внутри трухлявины возле ямки с водой на краю болота. Скоро и удочку не смогу держать в руках. Убирая еловые сучья, обрубая вершинник, иной раз в трудовом азарте потеряешь рукавицу, хватаешь сучья и лапник голыми руками, вот и саднят пальцы. Да ещё окуни во время уженья добавляют, слизь в ранки попадает.

Ночью несколько раз просыпался, озяб. Чурбаки для нодьи оказались с трухлявиной, быстро и жарко разгорались, но и быстро прогорали. Из таких чурбаков с рыхлой древесиной, даже из самых толстых, не следует сооружать нодью из двух чурбаков. Следовало, конечно, в основание положить два чурбака, придавив их долго тлеющим верхняком с плотной древесиной, – было бы всё в порядке...

Отпилил от поваленной сушины преогромный чурбак, готовлю топливо для ночного костра. Комлевая древесина на редкость плотная, и кругляк такой толстый и тяжёлый, что нам и вдвоём с Петровичем его было бы невозможно выволочь из болота. Пришлось на месте разделки сушины расколоть его клиньями, вытесанными из крупной берёзовой и осиновой щепы. Перед тем я на болотные кочки наместил жердей и сучьев, что-то вроде плота устроил. Иначе и сам бы вместе с этим чурбаком утонул бы в болоте. Набравшая влагу древесина плохое топливо для ночного костра; дыма и пара много, а тепла – маловато. Из половинок комлевого, расколотого на две части чурбака и сооружаю нодью к предстоящей ночи...

И что радует – выполнил задание Петровича! Кастрюлю с окунями закрыл мхом и поставил её в ямку с водой под елью, куда никогда не пробиваются солнечные лучи, и где, по моей догадке, родники точат. Здесь целое озерко воды; проходя мимо на Ясень-озеро, я никогда не видел, чтобы это место обсыхало. Стало быть, убрал улов в родничный схрон, сижу праздно с блокнотом на валежине, на солнечной прогалине среди елей и осин. Тут тихо, тепло, а вот на берегу озера сиверок ниже, да и небо в облаках. Где-то в отдалении, на сушине, дятел поёт. Ударит по дереву – по лесу разносится звук, похожий на эхо человеческого голоса. Вытегоры говорят: «дятел токует», «дятел поёт», а можно и так сказать: играет на ксилофоне.

26 мая. Работа спорится: один выбирает в брёвнах паз, вырубает «лапы», укладывает венцы, другой – обрубает сучья, снимает кору, подтаскивает к месту строительства брёвна, сжигает кучи мусора, заготовливает топливо, складывает его в костёр (то есть в поленницу).

Вчера Петрович уложил пять венцов да два бревна шестого венца приготовил, отдельно на земле лежат. Выходит, основание второго (верхнего) рабочего сруба положил. Обычно сельский плотник складывает сруб по частям, причём каждая не выше человеческого роста. Понятно же почему: очередное верхнее бревно приходится не раз подтёсывать, примеривать к нижнему. Закончив рубить нижнюю и верхнюю часть сруба, например, бани (или избы или скотного двора, или такой вот лесной изобки, как в нашем случае), мужики окончательно, на полную высоту, собирают сруб уже по месту строительства. Так же и Петрович рубит.

Подвигается мало-помалу работа, это так, но конца-края работы не видно. Мне, например, предстоит окорить ещё четыре ели, вчера свалили. И сегодня повалили ель, под сорок пять градусов наклонённую, со временем непременно упала бы на землю. Одну ель даже подобрали с земли. Точнее сказать, на стволах валежных деревьев она лежала неизвестно сколько времени. Петрович, однако, счёл, что древесина плотная, ещё не подверглась порче, годится в дело. Только заболонь обтесал. Надеюсь, больше не будем валить деревья. Надо посчитать по пням, сколько спилили деревьев, определить убыток окружающей среде, конечно же, и в малейшей степени не сопоставимый с тем, что мы видим в лесу на вырубках, а также и на дорогах, по которым за кордон каждый день уходят сотни лесовозов. Да мы же лесное убежище строим не для себя только, как это, возможно, думает Петрович, но и для всех лесных странников... Бутылки «Еврейской» водки между кочками на берегу озера, а также котелок и плёнка в соседней боровине на берегу озерка (обнаружил ещё до строительства изобки) – неопровержимое свидетельство того, что сюда наведывается народ, не наши, не вытегоры, может

из Питера или ещё откуда-нибудь, с другого конца света, из-за океана. Короче говоря, какие-то бледнолицые, чуженины, – в Оште дешёвой «жириновкой» из череповецкого подвала травятся. Итак, Солозеро отнюдь не необитаемое, как, возможно, думает Петрович. Но, может, любители «Еврейской» водки случайно здесь оказались и больше никогда сюда не придут...

КАПКАН!

27 мая. Работу прекратили. С утра по кровле шалаша барабанили крупные капли, потом сыпанул град, сменившийся ливнем. И до этого было не жарко, а тут просто собачий холод. Не всё коту масленица, побаловали тёплые ясные майские деньки, теперь надо приспособливаться к переменной погоде, показать, на что мы, в самом деле, способны, что умеем не только красочно рассказывать друзьям в городе о наших похождениях в лесу.

Где-то погромыхивает, и небо не проясняется, ни разу за весь день солнце не проглянуло. Ливень и град загасили нашу теплинку, на месте огнища лужа воды, чурбаки и головешки чадят, шипят, погасают; почва выгорела, образовалось углубление, вода тут собирается, по мелкой канавке не успевает стекать. Принимаюсь разводить огонь, поскольку Петрович может в любой момент потребовать разогреть уху или заварить свежий чай. Или спросит, почему до сих пор под кровлей шалаша не просохла одежда.

28 мая. Ещё одна ночь в дебрях у Солгоры. Сегодня то же самое, что вчера – дождь с ветром. Всю ночь лил дождь, и утром не перестал. Температура в пределах пяти-шести градусов. Пар изо рта, как у полярника на льдине.

Благо, свалили в запас жаровую, смолевую сушину, топлива хватило на всю холодную дождливую ночь, я не мёрз, следовательно, и выспался. Вчера вечером бродил с удочкой вокруг озера, конечно же, насквозь промок. Но как следует просушил одежду ещё у дневного костра, когда варил уху. Поэтому и не околевал ночью, хотя дождь шумел, не переставая. А Петрович озяб, плохо спал, по урочищу ходит злой, мрачный. Бывает же, напротив, мой товарищ спит нормально, а я ворочаюсь от холода, каждые полчаса встаю, чтобы поправлять тлеющие чурбаки. Спим у одного костра, а согреваемся по-разному.

И никогда не забыть нам с Петровичем ночёвки под елями на той стороне озера в начале мая прошлого года. (Когда-то я там спасался во время грозы). Костёр тогда был сложен из отличных толстых смолевых чурбаков, да что с того! – мы ютились под плёнкой в полтора квадратных метра, ледяной «сивер» раздувал огромное пламя, но при этом уносил всё тепло в сторону. Нынче совсем другое дело: основательные односкатные шалаша-заслоны, причём один против другого, концы кровельных жердей едва ни касаются, как бы один большой шалаш с разрезом в центре для ноды.

...В таких-то условиях живём и рубим изобку, подобно сотнику-первопроходцу Ивану Реброву на Индигирке, терпим «нужу и хлад». А как явится сюда какой-нибудь самозванный собственник Русского леса и скажет не терпящие возражений слова: «И это тоже моё!»? То есть просто объявить изобку своей священной собственностью на том основании, что он уже давно арендует этот лес... Или даже без всякого официального разрешения высекает леса Оштинской долины и водосбора реки Ошты, дал на лапу чиновнику в лесном департаменте или кому повыше – и

рубит. Или просто раскатает избушку и увезёт на своё частное охотничье хозяйство, а как же – хозяин тайги... Теперь ведь МИРУ, то есть обществу, русскому человеку, как бы уже ничего не принадлежит... Коммунистический (общинный) уклад жизни коренных жителей лесных регионов разрушен до основания.

...В семь утра дождь с ветром, а температура не поднимается выше пяти градусов. И в полдень то же самое. Сидим в шалашиках, один против другого, думу думаем: ладить ли к ночи стан из пяти венцов с примитивной каменкой или по такой вот погоде, по дождю, возвращаться домой.

– Капкан! – уныло отзывается Петрович на мой вопрос. Этим одним словом он точно выразил ситуацию и наше настроение: работать нельзя, зябко даже у костра, ибо, кто же этого не знает: осина никогда не даёт жаркого пламени («осина – не горит без керосина!»), смолевые же чурбаки к ночи приберегаем, а то как же – стволы осин, чурбаки и сучья осиновые кругом валяются, а за смолевой сосновой сушиной надо на болото идти, надо умело повалить её на помост из сучьев и жердей, не дать утонуть в болото, быстро, не дожидаясь, когда она наберёт влагу, вытащить на твёрдый берег... А чтобы вернуться в деревню, то и думать об этом тошно: по такому дождю да по мокрым чащобам осинника на вырубках! Опять же – нет натоптанной тропы в сторону деревни. Только тески, и не везде, не по всему маршруту. Я бы, может, и натесал, но Петрович предпочитает вовсе обходиться без налаженной тропы, только бы чужакам не быть у Солгоры. А не берёт в голову, что его же зять, заядлый спиннингист, ждёт не дожждётся, когда мы закончим стройку. Разумеется, без тесков, без налаженной тропы, зять Петровича, человек городской, непривычный к жизни в лесу, вряд ли сможет сюда добираться, даже и с навигатором. И внуки Петровича, кто знает, когда-нибудь захотят странствовать по нашим тескам, чтобы хотя бы недельку пожить в изобке деда в Русском лесу.

И, конечно, я ничего не рассказываю своему товарищу про бутылки и котелок с плёнкой. Зачем портить настроение мастеру? Бросить начатое дело мы не можем ни при каких обстоятельствах.

...Решили возвращаться в деревню. Одежда быстро намокает, а сушиться в такую погоду хлопотно, только тем и заняты, что сушится да переодеваемся. Да горячий чай поглощаем в большом количестве, вроде как согреваемся изнутри. Целый день крутимся у огня, какая уж тут работа? И запах берёзового веника забыли, по бане истосковались, что тоже гонит нас в деревню. А на банку с ледяным берёзовым соком даже и смотреть не хочется.

...Утром было чувство полной безнадёжности («капкан!»), а шагаем бодро, ни малейшего уныния. Разумеется, бодрость наша относительная – какой она может быть у людей, не одну неделю живших в лесу, ночевавших у костра под открытым небом?

...Нашли подходящую валежину, удобную для привала. Присели, однако же от рюкзаков не освобождаемся, только лямки расстегнули. Доносится звон текучей воды, крикают лесные уточки, бьют соловьи, кукушка вызванивает. Откуда-то доносится едва уловимый запах черёмухи. Холодные, неприятные дни, а весна своё берёт.

– Ты же разглаголишь! Не утерпишь, расскажешь в своём партийном подвале про избку! – вдруг ни с того, ни с сего заявил Петрович. – А что, хорошая база для отряда «антиНАТО». Приведи, приведи комсомольцев, потаскай их по ве-

ретьям, по заболоченным еловым чертоломам, пусть закаляются. Пригодится в жизни. Передай изобку в фонд партии, вместе с нашими тропами передай... Ты отрицаешь, а всё-таки твою партию сильно укоряют в Интернете, якобы, лимит на революцию объявила партия...

От политической дискуссии уклоняюсь, предлагаю продолжить путь. Нельзя долго сидеть на валежине, расслабляться, ещё шагать и шагать, тропа не торена.

Дождь вроде бы стихает, но не перестаёт окончательно. Уже третий день не видим солнце!.. Обычно сухие каменистые изложины между гривами наполнены водой, мы их переходим вброд. Ручьи же, стекающие в сторону Киргозера бурлят, клокочут, взбивая сугробы пены, а летом они среди ивняка, черёмушника и высоких трав едва угадываются по слабому журчанию. Весёлое занятие – ходить в такую погоду с рюкзаком по лесным тущобам да по захламлённым вырубкам!

Очень даже правильно, что решились идти в деревню! Как вспомню чёрную баню с камнями, опушёнными сажей, с полком, словно покрытым чёрным лаком, так и прибавляю ход. Петровича уже не вижу и не слышу, он где-то тащится за мной, так же, как и я, не соблазняясь отдыхом на мокрых, скользких еловых выворотнях и буреломных валежинах. Меня от влаги защищает колхозный плащ. Брезент намок, отяжелел, встал колом, вода с него стекает. А Петрович обернул вокруг себя кусок плёнки и сверху прикрылся плёнкой. Тащимся!

На урочище у Солгоры мы оставили шесть венцов, и я не сомневаюсь, что сруб скоро будет готов. Знаю Петровича, мы с ним по рекам Семиречья плавали и на байдарке, и на плотках, о чём я уже писал в очерках. Хорошо знаю его, но не ожидал, что он в таких условиях, в столь короткое время положит шесть венцов. Я же знаю, что и сруб для крыльца, и баню ему ставили братья Авдеевы. И нижние венцы избы они же ему меняли, что не дешёво ему обошлось. Но сейчас Петрович собственноручно рубит изобку, лихо рубит, даже удивляет меня рвением и мастерством. Ещё раз убедился – человек, рукастый, от природы наблюдательный, не празднует, как Авдеевы рубят венцы, научился кое-чему у них. Прав был много, очень много лет назад начинающий журналист, автор очерка в «Ленинградской правде», угадавшей будущего мастера в молодом жестянщике, на которого опытные кровельщики смотрели свысока, и один из них, скобарь (значит, прирожденный пскович), язвил: «Ты, малец, есте человек неумелый, стало быть, к жизни не приспособленный». В советское время питерские рабочие славились уровнем образования, высокой квалификацией, даже кровельщики были мастерами высокого класса; во всяком случае, тогда невозможно было представить неграмотного, не знающего русского языка мигранта за рулём такси, за пультом управления строительного крана. И как тут ни вспомнить Васю Захарько, с которым я когда-то был в дружбе: в редакцию «Ленинградской правды» попал как раз из кабины строительного крана, а через какое-то время его взяли в «Известия». Впоследствии он стал даже главным редактором этой газеты.

В газетном очерке были строчки, живописавшие, как Петрович, припрятав на крыше шпатель, кровельные ножницы и прочие орудия труда, возвращается домой и после ужина начинает что-нибудь мастерить; однажды часы «Густав Беккер» починил, купленные в антикварной лавке. Не часы, а музыка получилась – ход тихий, бой чистый, мелодичный...

Однако публикация в главной ленинградской газете не порадовала молодого жестянщика. Якобы, кто-то из кровельщиков даже собирался опровержение в

газету написать: люди же привыкли читать публикации про трудовое соревнование, а тут – совсем другое, какие-то часы «Густав Беккер», подчёркивалось увлечение молодого кровельщика пустяшным «рукомеслом». И написал, было, письмо в газету жаждущий справедливости кровельщик, но товарищи отсоветовали скандал устраивать. Не корреспондента газеты пожалели, а мальчика, к жизни не приспособленного.

Всё это мне герой очерка рассказал, когда мы с ним поднимались на Терской Алатау, к истокам Чу, а потом спускались по самой реке Чу. Но как давно же это было, какая длинная жизнь между солонзерским урманом и тянь-шанским хребтом!

Далеко позади Солгора, а мыслями я ещё там. Я уже не сомневаюсь, что по возвращении из деревни оборудую для жилья нижнюю часть сруба. Надоело ютиться в шалаше, одно название что шалаш, под открытым же небом ночуем, и земля в бору не везде оттаяла. Уже подумал, как приспособить нижний рабочий сруб для ночлега: выложу из камней примитивный открытый очаг, а на кровлю пойдут куски еловой коры, сложенные на расчищенной площадке и придавленные чурбаками и камнями. Ещё и плёнкой прикрою кровлю, у нас в запасе есть большие полотнища, мы их подобрали в карьерной яме посреди деревни. Собственно, я был бы доволен, если бы Петрович остановился на пяти венцах. Получился бы просторный стан; вытегоры иногда рубят в лесу подобные бревенчатые мурьи из трёх-пяти венцов. Но мой товарищ с самого начала твёрдо решил рубить изобку. «Уже годы не те, – сказал он мне, – когда мы плавали по протокам дельты Или без страховки карабкались по кручам Терской-Алатау. Вот ума-то было! Что за удовольствие ночевать, вот как мы: ж... в костре, а голова в инее... Говоришь, «стан», да любой стан мало чем отличается от шалаша с нодьей... Берлога и есть... То ли дело изобка... Обещаю тебе – лежаки жердевые устроим, печурку железную камнями обложим. Даже стол, обещаю тебе, из осиновых плашек вытесать. Будем жить по-человечески, обещаю тебе...»

Но до этих обещанных радостей, ох, как далеко, пахать и пахать, как говорилось когда-то молодому кровельщику Петровичу. А пока вот скачем по пеньям, по корням...

НАСТОЯЩЕЕ РУССКОЕ ЗИМОВЬЕ!

2 июня. Вернулись на берега Солозера. В пути были шесть с половиной часов, при этом же и тропу подчищали. Короче говоря, хороший ход. После чая мы немного поработали, окуней же я не ловил. Сруб (нижние пять венцов) для жилья решили не ладить. Дни становятся теплее, светлее, длиннее, а ночи – короче и тоже – светлее, теплее. Берёзовый сок, стекавший в банку по соломинке, скис за время нашего отсутствия. До окончания работы дневать и ночевать решили в шалашах, у нодьи. Сосновых сушин на ближайшей мшарине нам до конца жизни хватит.

По календарю лето, но не жарко, совсем не жарко. Утром плюс десять, и после кратковременного дождя с грозой температура не повысилась. Прогуливаюсь с мешком по вздувшимся после дождей мокрым мхам. Тут и там возвышаются кочки с чистой ворсистой поверхностью, побуждающие к праздности и отдыху, но не прилечь, не присесть на эти пёстрые моховые «подушки» и «диваны». Остановился – и тут же погрузился в мох, и вода выступает...

Мастер окончательно определил мне задание – мох дёргать, не менее шести мешков надо, а это не просто сделать. Мшарина просторная, но кругом кусты ивняка, вода повсюду блестит. Не с каждой кочки можно дёргать мох для дела. Пять-шесть мешков – это только для мошения (конопаченья) сруба, а, кроме того, в запасе всегда должен быть материал – мыши, белки и птицы постоянно вытаскивают мох, который они, как и люди тоже, используют для устройства своих жилищ.

Думал до сумерек собирать мох, но после полудня разразилась гроза. В прогалинах деревьев вспышки огненными змеями, дождь хлещет. Работу пришлось прекратить. Сидим у костра (при этом каждый в своём шалашике) пьём чай. На короткое время проглядывает солнце, дождь вроде бы стихает, но наползает очередная грозовая, страшно чёрная туча с рыжеватым брюхом, и дождь, как и прежде, барабанит по кровле шалашей.

...Любуюсь свежими, вызолоченными проглянувшим закатным солнцем брёвнами сруба. Настоящее русское зимовье! Месяц-другой, и будем жить в тепле, под крышей изобки. Правда, пока нет печурки. И полатей нет, есть только жерди, сложенные в штабель, и по-прежнему – ни дверей, ни окна. В книгах, описывающих русский быт минувших поколений, иногда можно прочитать: «Плотник срубил избу (часовню, храм) без единого гвоздя». Это что! Без гвоздя – ладно, а вот как построить изобку без доски-тесины, без кирпичика, без стёклышка? Таскать же всё это из деревни – не ближний свет, и дорога какая – даже и тропы нет, ничего, кроме редких тесков-затесей, которые я всё же ставлю украдкой. На мои вопросы Петрович отвечает уклончиво: «Есть идеи разные. Но, может, всё ложное...»

10 июня. ...После обеда завершал укладку костра-дровяника: сложил поленья пирамидой, прикрыв их кусками еловой коры. Запас топлива на осень, да, может, и зимой сюда на лыжах наведемся, ледобур уже принесли (ножи наточены, смазаны), в схроне – внутри толстой трухлявины – ждёт своего часа...

Но, рассказывая о скитаниях по лесным трущобам, невозможно обойти роман Д. Дэфо «Робинзон Крузо». Стоит мне в городе затеять разговор о моих лесных делах, как тут же слышу: «Ну, прямо, как Робинзон Крузо!». Реже – сравнивают с судьбой Лыковых, всю жизнь проживших в тайге, якобы, не сообщаясь с внешним миром, как выяснилось, это было не совсем так, литераторы и журналисты немного сгустили краски. Вышеназванные имена персонажей всплывали на встречах с читателями после публикации моей книги «Записки лесного жителя», своего рода, лесной инструкции для молодых патриотов и не очень молодых дачников, грибников-ягодников. Эту книгу, по причинам ничтожного тиража, мои читатели даже ксерокопируют.

Как и многие мальчишки, «Робинзона Крузо» я любил, по пути на сазаньи ямы Кумузёка пересказывал книгу сверстникам. Имено в виду, конечно, детское издание этой книги, в которой нет протестантских занудностей автора. Я уже рассказывал о скитаниях нашей семьи по барханам, по степным и тугайным дорогам Семиречья. Так вот: иногда мы переезжали в такое место, где ничего не было, кроме растений, солью потеющих, где даже лопушистые листья кермека⁷ были покрыты кристалликами соли, и где единственное украшение степного пейзажа – одни лишь только солянки. Бывало, встречались кусты солянок и с ягодами,

⁷ Кермек – род пустынных многолетних трав, чаще всего растёт на засоленных почвах.

на вид сочными, алыми, но на пробу они оказывались горько-солёными. И вот, представьте себе, однажды узнаём, что где-то в Океане есть сказочный остров с дикой природой и такими условиями обитания человека, о которых не мог себе вообразить ни один мальчишка с буйной фантазией. И даже бабка Коленчиха, бабка-ворчунья, прислушивалась к моим рассказам про остров Отчаяния, где разве птичьего молока не было. Эта Коленчиха с соседнего рыбацкого хутора сама иногда нам, мальчишкам, живописала потусторонний мир – и рай, и ад; больше конечно, адские картины с подробностями рисовала, указуя при этом на хуторских сорванцов, коим уже уготована геенна огненная, – имея в виду тех, кто посягал на её грядки с майской редиской на ближайшем арале в камышах. Но и она, верно, не могла себе представить изобилие подобное тому, что живописалось в книге Дефо, и мои рассказы про остров Отчаяния слушала с большим интересом.

Что и говорить, прекрасная книга, но только вот никак не пойму, отчего это жизнь Робинзона Крузо на острове в Океане, где он безбедно прожил 30 лет, городской обыватель считает образцом (символом) выживания. А в книгах литераторов, пишущих опусы про умение выживать в экстремальных условиях природной среды, часто, даже слишком часто, употреблены слова «робинзонада», «робинзональное место», «рецепты и приёмы Робинзона»...

Тут я хочу сказать лишь одно: тому, кто интересуется проблемами выживания во время странствий, в полевых условиях, вовсе не следует пускаться по следам Робинзона. И совершенно напрасно некоторые мои собеседники полагают, что деятельность героя книги, созданного фантазией писателя Д. Дефо, – высшая степень, верх мастерства выживания в экстремальных условиях.

Персонажу романа Дефо достался корабль, пусть и повреждённый, вскоре совершенно разрушенный стихией, корабль с продовольствием, инструментами, с различным снаряжением и разнообразными предметами, необходимыми для ведения хозяйства. И что ещё важно – запас одежды достался; в ту далёкую эпоху она была весьма прочной, долго не изнашивающейся. Впрочем, климатические условия на острове были таковы, что человек мог обходиться вовсе без одежды. Наконец, «бедный Робин» подобрал и остатки разрушенного штормом судна, что немаловажно. (В хозяйстве всё сгодится).

И самое главное: земля на острове фантастически плодородна. И рис, и просо, и пшеница, и финики, и виноград, и разнообразные цитрусовые – всё произрастает и плодоносит обильно. Тут я сразу же вспоминаю, что у меня на участке в деревне Курвошский Погост даже урожай картошки не каждый год радует – всё зависит от погодных условий, от влажности почвы и, конечно же, от количества и качества органических и минеральных удобрений, от химических же средств я воздерживаюсь.

Сомневаюсь, что когда-либо существовали на нашей планете столь тучные нивы и земли, как на острове Отчаяния, где могли в таком разнообразии произрастать всякие питательные, хлебные злаки и плодоносные, полезные для человека растения. Короче говоря, у Робинзона Крузо на острове была богатая, здоровья пища – хлебопродукты, рыба, дичь, целебное мясо диких коз, хотя и одомашненных. А кроме того – цитрусовые, орехи, опять же – финики, виноград... Истинно божий рай, по словам Коленчихи... Единственное, что представляло реальную угрозу жизни обитателя острова – нападение дикарей-людоедов. А в Питере нам безопаснее? Тоже хватает злобных хищных дикарей. В жизни англичанина

Робинзона Крузо не было даже и тысячной доли того, что испытали наши партизаны в лесах Белоруссии или Брянщины в годы Великой Отечественной войны. А «сидение» сотника-первопроходца Ивана Реброва на Индигирке!

Нет, книга Д. Дефо никак не может быть руководством для тех, кто озабочен проблемами выживания.

Всякому, кто интересуется возможностями человека в жёстких условиях природной среды, я бы, пожалуй, посоветовал «Подготовку войскового разведчика» (издание советского «Воениздата»), «Справочник путешественника и краеведа» С.В. Обручева. Может, пригодится и моя «лесная инструкция» – «Записки лесного жителя (Уроки выживания)». К сожалению, древние письменные источники скупо свидетельствуют о том, что пришлось испытать во время походов казакам-первопроходцам, но сохранилось донесение царю сотника Ивана Реброва о «сидении» на Индигирке: «Нужу и хлад терпел, и душу осквернял, ел всякое скверно и сосновую кору и траву».

Персонаж книги Д. Дефо сетует, что у него не было хорошего инструмента, а были только топоры. Ну и насмешил «бедный Робин, Робин Крузо»! У нас с Петровичем тоже только топоры, которые мы, возвращаясь в деревню, прячем в трухлявинах. У нас одно лишь преимущество – лопата. (У Робинзона Крузо стальной лопаты не было). Русскому читателю, знающему историю Отечества (надеюсь, не перевелись такие люди), наверное, странными покажутся эти сетования про топоры. В самом деле: можно сказать, с помощью одного только топора русский мужик освоил огромные пространства Севера, Сибири, Русский континент до Великого океана, острова также освоил в Океане, – и Курилы, и Командорские острова, и Алеутские, даже и Аляску. До Калифорнии добирались русские! (Между прочим, ценители русской истории в Америке срубы некоторых строений даже реконструировали; в качестве примера могу указать на «Форт-Росс»). Это уже потом Аляску и Алеуты правители Российской империи профукали, и ныне ещё не окончательно извелась практика и политика разбазаривания земель, засеянных костями русских подвижников, и даже – ледовитых морей, на дне которых покоятся русские корабли с командами героев.⁸

И в Сибири, и в Заполярье, и на Крайнем Севере (также и на Аляске) с помощью топора русский человек строил и станы, зимовья, и ясачные избы, и сторожевые избы... И остроги, непременно, – небольшие бревенчатые крепостцы для хранения припасов, пушнины и защиты от враждебных племён. Наконец, избы для жилья рубили! Не какие-то там жалкие лачуги так называемых «пионеров» (имею в виду завоевателей индейских территорий), подобные тем, описания которых мы находим у американских писателей, нет, не мурьи рубили, а храмины в два этажа с прочными просторными и тёплыми дворами – помещениями для скота.

А храмы, храмы! Шедевры национального зодчества возникали тут и там, куда проникала славяно-русская цивилизация. Мы знаем 22-главый Преображенский собор Кижского погоста, а ведь был храм и в 25 глав. Имею в виду собор в Анхимове, макет его украшает зал Вытегорского краеведческого музея. (Собор находился под охраной государства, но сгорел вследствие человеческой безответственности и преступного небрежения). И ведь эти храмы, если верить историческим свидетельствам и преданиям, рубили с помощью одного только

⁸ Как уже отмечалось, работа над книгой была завершена до возвращения Крыма и Севастополя в Россию.

топора. Между прочим, я знаю вологодских мужиков, убеждённых, что брёвна венцов лучше сохраняются, оказываются более долговечными, если торцы не отпилены, а как раз обрубаны плотницким топором. Писатель М. Пришвин в своих очерках свидетельствует, что в некоторых районах Севера и Заполярья лучковую пилу жители увидели только в 30-е годы минувшего века, когда развернулась индустриализация, и в связи с этим начались лесозаготовки в крупных масштабах.

И в малой степени нельзя сравнить природное изобилие острова Отчаяния, где жил Робинзон Крузо с теми условиями, в каких оказывается ныне лесовик, житель лесной деревни на Вологодчине (или такой вот городской обыватель вроде меня).

Впрочем, уже критики романа Д. Дефо в самой Англии немало упражнялись по поводу «бедствий» главного героя. Один из них ядовито заметил: «Робинзон Крузо осмотрелся и стал жарить бифштексы».

И ТРУДЫ, И ПРАЗДНИКИ В ЛЕСУ...

...Очередной свой день рождения встречаю в изобке, то есть на урочище у Солгоры. Вспоминаю, как три дня назад в деревне с трудом заставил себя подняться с кровати, чтобы пораньше уйти в лес. Трогал ладонями ещё тёплую, царствующую в избе русскую печь, наслаждался теплом избы и с содроганием думал о том, что вот сейчас предстоит выходить на морозящий дождь, тащиться по чащобам, по мокрому лесному подсаду. Избушку построили, а налаженной тропы по-прежнему нет, поскольку в последнее время что-то редко ходим к Солгоре.

И уже в Ивках не жалел о том, что решился отправиться на дальние озёра за окунями да за глубинными щуками. Бодро шагал, хотя лес хлестал меня мокрыми ветвями, орошал ковшами влаги, а комары, напившись крови, тёмными комочками отваливали с потного лица, не могли лететь, опускались в траву. В Ивках я устроил привал, даже любовался видами лесного урочища. Полноценно отдыхать под елью я мог только после того, как развёл дымник. Комары, до этого тучей надо мной висевшие, исчезли куда-то, не казнили меня больше, поскольку всё пространство под еловым лапником окуривалось спасительным едким дымом.

...Слушал, как иволга наяживает на своей дудочке, соловьёв слушал, бьющих наперебой, звонкий счёт кукушки-вещуньи слушал... Появились записи в блокноте (обычно – за голенищем сапога): «Не поддался дачному настроению, подавил в себе домоседские чувства и теперь слушаю голоса природы – чудесные голоса, недоступные миллионам землян. Пью родниковую воду: прозрачна до того, что кажется, и нет её в котелке. Источник, вернее, задержившуюся канавку, неделю назад почистили туристы из Питера. Послушали рассказ про Ивки на волне радиостанции «Слово» и приехали ко мне в деревню».

Ощущение радости и бодрости я почувствовал ещё раньше, когда шёл Каме-нягами, – урочищем на берегу Ошты-реки, по которому тут и там расставлены ёлочки с роскошной густой хвоей, а между ними выпирают камни, покрытые бурыми и ржавчато-рыжими лишаями. Солнце то показывалось на минуту-другую, то помрачалось тучей, а я шагал луговинами, вызолоченными одуванчиками, травянистыми полянами шёл, по которым, словно бы ветер катал ярко-жёлтые шарики купальницы, и даже мокрые мочажины были покрыты оранжевыми

цветами калужницы; словом, куда ни посмотришь, всюду солнечные, оранжево-золотые пятна и полосы. Шёл и радовался, что набрался решимости покинуть избяной уют в тот мокрый, промозглый спозаранок...

Ну а сегодня утро росное, а небо – ясное, лишь иногда верховой ветер раскудрявит листву березняков, и всё вокруг наполняется хмельными ароматами. В прогалине бора играет, переливается красками столб радуги, чувствуется озоновая свежесть. Итак, очередной день рождения в лесу, ну, это, уж как водится у меня в последние годы. Да и прежде, бывало, на каком-нибудь диком арале среди камышей дельты Или, среди разливов Чу-реки, вскрывал я банку сгущенки, чтобы отметить день рождения. Теперь – всё больше на берегу лесного озера, на тропе. А нынче грядочку луковую пропалываю, заросла, пока ходил в деревню. Утром же поднялся на Солгору, где накопал глины, чтобы замазать щели на стыках потолочных плах, обмазать трещины на трубе печурки. И вот – грядку пропалываю, редиски надёргал. В этом году мы с Петровичем решили в лесу две грядочки вскопать, хоть какой-то витамин. Надо заметить, в последнее время я стал ощущать неизбывное изнурение, иногда вдруг накатывает непонятная слабость. Причина, скорее всего, как раз в нехватке витаминов, что обыкновенно для этого времени года, когда даже и на огороде в деревне пока нечем поживиться... Изнурения и приступы слабости исчезают примерно с середины июля, и никогда не бывают осенью. Хотя как раз осенью-то и увеличивается физическая нагрузка: тут и грибы, и ягода, и уборка урожая на огороде. Ну и, конечно, не забываю дорогу на Ясень-озеро, и к Солгоре, тоже ведь не ближний свет... Физическая нагрузка осенью увеличивается, а вот приступов изнурения и слабости – как не бывало. Можете не верить, но это так.

Молодые березняки на ближайшей гриве, где когда-то выгорел бор от удара молнии, ещё по-весеннему блистающие листвой, навевают не только свежие ароматы, подобные запахам ивы семиреченской, но также и воспоминания о первой весне в низовьях реки Чу, когда наша семья перебиралась на новое место жительства.

Хорошо помню тот день, когда на телеге, запряжённой быком, притащились на арал – на дикий, ивой и камышом заросший остров среди поёмных разводий Карагильских разливов, один из бесчисленных островов; места, по мнению отца и старшего брата Николая, изобильные дичью, а уж рыбы в озёрах, в ямах проточных узёков – и за сто лет не вычерпать и большим неводом. (Не прошло и полвека – от природного богатства низовьев Чу-реки остались одни барханы с верблюжьей колючкой...). А до этого мы жили на краю Муюнкумских песков – в древнем русле Чу, среди песчаных бугров, заросших кустарником, среди сухорослых тугайных деревьев, ясно и чётко белела саманная хата, крытая камышом.

Я тогда впервые услышал вибрирующее «пение» падающего бекаса, и там его, как и жители села Ошты, тоже называли барашком, но только, не лесным, как на Вытегорщине, а – камышовым. Как сейчас помню всё это, давно минувшее: непролазные заломы (гривы плотных камышей), жёлтые зимой и весной, а летом – густо-зелёные, почти чёрные под солнцем пустыни, тянувшиеся по берегам узёков и озёр; ивняки, наполняющие пространство вокруг свежим дыханием душистой листвы, оранжевые тюльпаны с эмалевыми лепестками на склоне ближайшего бархана, шелковистый блеск барханных злаков. Короткие ливни в ту весну сменялись весенним сиянием солнца, которое ещё ласкало теплом жителя

пустыни, а не угнетало жестокой летней жарой, когда песок раскалялся так, что кукурузные початки на нём поджаривались. А в межбарханном понижении, где допревали остатки стога, я находил грибы с гладкими, глянцевыми белыми упругими шляпками, как потом узнал, это были шампиньоны.

Карагильские разливы – особое место в моей жизни, здесь всё было не так, как на хуторе в древнем русле. На ближайшей протоке я мог целыми днями удить язей или, сидя в лодке и свесив голову за борт, наблюдать за окунями и краснопёрками – сказочно нарядными в прозрачной глубине. Но главное – здесь впервые у меня появился задушевный друг, верный товарищ – Нина Крапивина, с которой я играл в пятнашки в светлых струях каиров – на песчаных отмелях, на галечных перекатах узёков. А иногда мы с ней бродили камышистыми берегами узёков, удили чебаков и язей. И через много лет, когда я уже был курсантом Каспийского высшего военно-морского училища, она же училась в каком-то медицинском заведении в Чимкенте, мы встретились в тени прибрежной ивы, сладкодушистой ивы семиреченской, на сучья которой я когда-то, ещё отроком, взбирался, чтобы нырнуть поглубже и достать горсть песка со дна глубокой ямы узёка, чтобы удостовериться подружку, что яма не бездонная, как она уверяла.

Ласковой рыбачке я прочитал свои первые стихи, первые и последние, самые прекрасные стихи, в которых были чарующие строки: «Грудь белая румянилась и нежно трепетала». (Был твёрдо уверен, что это я же их сочинил). И не в узёке мы купались, а в сладостных наркотических ароматах ивовой листвы. Усталые, счастливые и беззаботные, сидели мы на берегу узёка и не знали, что не встретимся под этой ивой, вообще больше никогда не встретимся...

...Восхитительны запахи семиреченской ивы, и точно так же теперь всё вокруг наполнено запахами берёзовой листвы, источаемыми даже и малыми деревцами, – но только до дня моего рождения, а пройдёт неделя-другая, и я их перестану ощущать и воспринимать так остро, как сейчас.

В гармонии с природой, с песней в душе

...Всё лето ходил к Солгоре, правильнее сказать, ходил на соседнее Ясень-озеро, ставил здесь жерлицы, шук ловил, а ночевать возвращался в изобку. Войдёшь в лесной вертеп, думаешь: куда попал?! Комары воют и стонут так, что и шум деревьев заглушают. Освободившись от лямок рюкзака, разводишь дымник из свежей хвои и мха. Понятно, долго в дыму не усидишь, поэтому в таких случаях приходится ложиться на жердевой топчан, покрытый рибушинами, изодранными белками и лесными мышками, свесив при этом голову едва ли не до пола, всё ещё засыпанного стружками, лесной подстилкой.

Ходил-ходил цветущими росными травами, а вот и приметы осени: берёзы желтеют, осины ясеют, становятся багряными. Лес ярусами возвышается: по прибрежным мхам желтовато-зелёные карлы-сосенки торчат, кривоствольные ёлочки, а по гривам и склонам Солгоры – всё больше ясно-жёлтые осиновые и берёзовые рощи ярусами, перемежающиеся густо-зелёными величественными островерхими пирамидами вековых елей, мачтовыми соснами с бронзовыми стволами и светло-зелёными, местами желтовато-золотистыми вершинами. С каждым днём лес становится разнотонным, пестровато-разноцветным. Словом, всюду живая игра красок веселит сердце усталого странника. Со стороны посмотреть на меня, облачённого в заплатанную лесную одежду, – мрачный бродяга, да, бродяга и есть, но в душе-то у него песня.

Разумеется, в моём лесном блокноте нет всех этих слов, которые я нагромоздил на листах бумаги, сидя за столом под яблоней в деревне, в блокноте только такие слова: «Трава полегает, лист опадает, ягода созревает...»

...На куске толстой берёзовой коры принёс жар с огнища, где чадит дневной костёр, развёл огонь в печурке изобки. Вечер прохладный, надо к ночи протопить печурку, просушить изобку. И что-то мне подсказывает, что надо рассказать о том, как устроили печь. Лесное убежище без очага – склеп, могила. Поначалу мы собирались из камней сложить печь. Непросто каменный свод выводить, однако нужда всему научит, а в Петровича я всегда верил. Было ведь и такое дело: он ГАЗ-66, грузовой вездеход перебрал, купленный во время крушения СССР. Мы, – питерские дачники, обосновавшиеся в деревне Курвошский Погост, – с энтузиазмом Петровичу помогали – мыли детали в соляре и керосине, протирали их ветошью. Машин тогда у нас не было, крепко выручил «газон»: в деревню возили всякое барахло, вёдра, посуду, прочные тяжёлые шкафы, а из деревни, конечно, – лесные гостинцы, овощи, мешки с картошкой. Правду сказать, слишком много возни было с ремонтом, бензин же сей мастодонт пожирал в таком количестве, что мы им пользовались только два раза за сезон. Даже вскладчину бензин дорого обходился и хозяину, и каждому участнику поездки. Петрович облегчённо вздохнул, когда наш грузовик угнали какие-то предприимчивые мигранты. Гаишники объяснили Петровичу, что этим делом промышляют кавказцы, а на Кавказе российские законы не действуют, и ему лучше смириться с потерей.

Не сомневался я, что Петрович найдёт решение, а всё-таки я гадал, получится ли у него каменная кладка. Но дело упростилось. Однажды он в своём подполье обнаружил короб из тонкой листовой стали советского производства, который он двадцать лет назад купил для деревни и забыл о нём. Такие короба изготавливались промышленностью для дачников и владельцев сельских жилищ, они встраивались в печи с дровяным отоплением, служили духовками. Но зачем духовка, когда в избе есть настоящая русская печь?

Сталь оказалась столь прочной и качественной, что за все эти годы почти совершенно не подверглась коррозии. «Сталинская сталь», – с удовлетворением заметил Петрович, осмотрев изделие с выбитой ценой и запихнув его в широкий ранец. Он специально изготовил ранец из прочной ткани для доставки бесценной духовки в изобку. И теперь я живу в лесу и радуюсь...

...На этот раз, по прибытии из деревни к Солгоре, стал участником небольшого происшествия. Отдыхая по своей привычке в конце трудного пути, присел на толстую валежную ель на краю жилого Солозерского бора и услышал какой-то шум, звон разбитого стекла. Вскочил, прислушался, убедился, что кто-то в изобке поселился. При этом же ещё и безобразничает, стаканы, посуду бьёт, которую мы сюда на своём горбу таскали. Бросился к избушке, и увидел самую обыкновенную белку, которая отчаянно билась в стекло, хотя дверь была приоткрыта, летом мы всегда её так оставляем ради проветривания избушки. Ещё минута промедления, и оконное стекло разлетится вдребезги, а это ведь невосполнимый убыток! Схватил рабочую куртку, осторожно накрыл ею зверушку. Белка, конечно, царапалась, кусалась, но не могла издрать прочную ткань. Я вынес маленькую бунтовщицу из помещения, отпустил её на волю; она тут же метнулась вверх по стволу ели, исчезла среди ветвей, но при этом я слышал её злобное цоканье.

Мерзавка устроила настоящий погром: опрокинула бутылку с драгоценным авиационным керосином для светильника, разбросала сушёные грибы, подвешенные на жерди в рукаве изодравшейся в работе рубашки. На полу валялась и алюминиевая кастрюлька, в которой хранился рыбий жир. Немало времени затратил на вытопку жира из мелочёвки и потрошков. Опасались любителей «Еврейской водки» (мы их ни разу не встретили на нашем урочище) – оказывается, есть пакостники и поближе, в бору живут.

И вечером хулиганила, когда я, протопив печурку, вышел в бор и, по своему обыкновению, присел с блокнотом под шатром ели, прислонившись к комлю. Я записывал в блокнот свои впечатления и наблюдения, вычислял переходы между просеками, озёрами и ручьями, а рыжая бестия швыряла в меня шишки. Я переместился вокруг ели, но шишки продолжали на меня падать... Может, она таким образом хотела общаться со мной?

Как мне кажется, я эту же белку видел на мшистом берегу озера, в рощице низкорослых суковатых сосен. Перелетая с дерева на дерево, она спустилась на мох возле самого уреза, вскочила на длинную еловую жердь, которую я воткнул в мшистый берег для навешивания окупёвой жерлицы. Ловко пробравшись в самый конец жерди, она с любопытством глядела в воду. Верно, любовалась собственным отражением в воде или смотрела на живца, нарезавшего свои обычные круги почти у самой поверхности. Иногда она поворачивала голову в мою сторону и пристально смотрела на меня, стоявшего с удочкой. В ближайшем еловом бору она скрылась после того, как её атаковал кобчик.

Такие вот праздники и будни мои, труды и дни мои – на берегах необитаемых озёр, на лесных тропках... Гармония в природе, поэзия в душе.

А. Е. Стерликов — член Союза писателей СССР, член Союза писателей России, автор книг с «говорящими» названиями: «За синим барханом», «Камышовые странники», «Куширь болотная», «Горит свеча в платке», «Записки лесного жителя (уроки выживания)», «В дельте Сырдарьи». Эти и другие произведения писателя были опубликованы в различных изданиях Санкт-Петербурга (Ленинграда), Алма-Аты и Москвы, в том числе и популярными советскими издательствами «Советский писатель», «Детгиз», «Гидрометеиздат». Лауреат премии «Литературной газеты» (1985 год).

